

ISSN 2541-8297

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

2020 № 3 (17)

Federal State Budget Institution of Science
A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

LITERATURNYI FAKT
LITERARY FACT

Academic journal

No. 3 (17). 2020

Published since 2016

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ

Научный журнал

2020. № 3 (17)

Издается с 2016 г.

Литературный факт.
2020. № 3 (17)

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 3 (17), 2020

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0 International
(CC BY 4.0)

Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая. «Эстето-разложенец»

© 2020, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Благодарности: Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00035.

Аннотация: Биографический очерк посвящен литературной ситуации, сложившейся вокруг Ремизова в 1926 г. в связи с его деятельностью в новых журналах «Благонамеренный» и «Версты». Автор на основании неизвестных материалов личного архива писателя, а также с опорой на опубликованную переписку и мемуары участников событий того времени объективирует позицию Ремизова как активного участника литературного процесса. В статье выявлены творческие задачи писателя, реализованные на страницах двух изданий, и его особая миссия в продвижении молодых литературных сил советской России и русского зарубежья. Детальное рассмотрение аргументации критических статей, обвинявших редакторов двух журналов, а также ближайшего их сотрудника Ремизова в разрушении не только идеологического единства русской литературной диаспоры, но и эстетических канонов, позволило описать основные противоречия литературной жизни эмиграции, накопившиеся к 1926 г. В очерке представлены ранее неизвестные эпизоды истории журналов «Благонамеренный» и «Версты», опирающиеся на впервые введенные в научный оборот материалы эпистолярного наследия Ремизова, Д.А. Шаховского, Л. Шестова и Н. Берберовой.

Ключевые слова: эмиграция, литературная критика, евразийство, журнал «Благонамеренный», журнал «Версты», А.М. Ремизов, литературная личность, идеология, новаторство, литературный консерватизм.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, наб. Макарова, 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

В биографии Ремизова 1926 и 1927 годы прошли под знаком литературных баталий эмиграции. Рукопись «На вечерней заре», созданная писателем на основе авторской редакции собственных писем к жене¹, содержит «отзвуки» редакционной деятельности двух новых периодических изданий — журналов «Благонамеренный» (1926) и «Версты» (1926–1928), появление которых на авансцене парижской литературной жизни вызвало громкий общественный резонанс и спровоцировало обострение политических и эстетических разногласий в профессиональном цеху. Именно эти события обнаружили «теневое» присутствие Ремизова, одного из активных участников новых изданий, и обозначили проекции его литературного поведения в течение последующих пяти лет (до 1931 г. включительно).

В мемуаристике сохранилось лишь несколько свидетельств, выхватывающих из вспышек памяти встречи с Ремизовым. В эссе биографии писателя, посвященной литературной ситуации 1926 г., нашими провожатыми по Елисейским полям прошлого станут представители младшего поколения первой волны эмиграции. Это проживавший в то время в Брюсселе поэт и редактор журнала «Благонамеренный» князь Дмитрий Алексеевич Шаховской, один из ремизовских «спутников» первой половины года, и две хрупкие музы русского Монпарнаса — «сестра Благонамеренного», княжна Зинаида Алексеевна, исполнявшая в Париже обязанности «поверенного» в литературных делах брата², и поэтесса Нина Николаевна Берберова.

Как известно, издательское поприще 24-летнего Шаховского оказалось ошибочной попыткой найти мирское призвание. Однако именно в этот краткий период Ремизов стал его старшим товарищем и советником по редакционной работе. Шаховская и Берберова среди ремизовских друзей не числились и к его поклонникам себя не относили. Их круг общения локализовался вокруг оппонентов писателя. Между тем биография и эпистолярное наследие всех избранных нами «действующих лиц» позволяют сделать вывод, что именно в 1926 г. образовалось три центра, или «очага», воспитания литературных сил: вокруг Мережковских, Бунина и, как это ни удивительно, учитывая непубличность нашего героя, — вокруг Ремизова.

Участница двух новых журналов Марина Цветаева как представительница старшей возрастной категории молодых литераторов-эмигрантов оказалась хоть и не среди учеников и друзей

¹ См. публикацию главы из рукописи, посвященной 1926 г.: Наст. изд., с. 54–87.

² Ср. воспоминания: [21, с. 121–122].

Ремизова, но на «его стороне». Наравне с писателем она стала мишенью критических стрел, выпущенных в их адрес в 1926 г. Характеризуя состояние молодежной литературы, Цветаева в печатном выступлении конца 1925 г. с присущей ей внятностью определила значение для поколения постреволюционной культуры литературной личности писателя, отношение к которому сложилось независимо от границ и идеологических противоречий:

Здесь, за границами державы Российской, не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю — за явностью и договаривать стыдно — Алексея Михайловича Ремизова, без которого, за исключением Бориса Пастернака, не обошелся ни один из современных молодых русских прозаиков. Ремизову, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя...³

Среди зарубежных молодых бытовали и другие мнения, согласно которым в расстановке литературных сил «фигура» Ремизова едва обозначалась на периферии жизни эмиграции. По впечатлениям Берберовой, посещавшей парижскую квартиру писателя во второй половине 1920-х, скорее из любопытства к его «чужацествам», он был мало приспособлен к наставничеству, заботясь лишь о неприкосновенности собственного художественного мира. Характер его взаимоотношений с близким окружением, состоявшим, как ей казалось, не из учеников, а всё больше из друзей-помощников по быту, был камерным, лишенным деятельного потенциала. Эта пассивность выставляла его в невыгодном свете для той части молодежи, которая группировалась вокруг других, более авторитетных литературных лидеров:

Мережковский и Гиппиус искали отношений с людьми, которые «интересуются интересным», и других не ценили, Дмитрий Сергеевич называл их «обывателями». Ремизов жил среди «статиков», «динамиков» не искал, хотел главным образом подводного течения человеческой теплоты. Он любил людей, любивших его, помогавших ему, ограждавших его от жизни заботами о нем, тех, которые с благоговением слушали его бредни о чертенятах, обезьяньих палатах, все его фантазии (искусно «заделанные», но почти всегда — сексуальные), и среди таких людей он жил, постепенно отрезав себя от тех, которых нужно было познавать. Читателей у него было мало,

³ Цветаева М. Русские писатели о современной литературе и о себе [ответ на анкету] // Своими путями (Прага). 1925. № 8–9. С. 8.

они все помещались у него в квартире за чайным столом, и между читателями-друзьями-гостями этими не было ничего общего, кроме их доброго отношения и расположения к хозяину дома [2, с. 253].

Эпистолярный роман Ремизова «На вечерней заре», который вместе с сохранившимися оригинальными письмами мы избрали в качестве основного источника для создания научной биографии писателя, и воспоминания современников представляют собой сложный и отягощенный стратегией авторов результат переосмысления пройденного пути. Однако, сопоставляя документальные источники, есть возможность восстановить реальное содержание двух лет жизни Ремизова, не упуская из вида разнообразные ракурсы восприятия его спутников.

***

Оба журнала — «Благонамеренный» и «Версты» — воспринимались современниками в русле евразийского течения, идеология которого была близка каждому из редакторов новых журналов — Д.А. Шаховскому, Д.П. Святополк-Мирскому и П.П. Сувчинскому. Согласно заданной эмигрантскими критиками парадигме идеологических оценок, эти преимущественно литературные издания вошли в историю русского зарубежья как просоветские проекты, направленные на разрушение монолитного эмигрантского противостояния власти большевиков в России⁴. Вместе с тем рассмотрение начальных этапов деятельности трех редакторов в контексте ремизовской биографии позволяет раскрыть не только трансформацию их редакционных стратегий (от литературного нейтралитета к литературной борьбе, от литературы к идеологии), но и на момент 1926 г. более значительную роль этих периодических изданий, чем осуществление функции рупора идеологического течения, не нашедшего в эмиграции широкого общественного признания. Привлечение имен начинающих писателей эмиграции, наряду с авторами молодого творческого поколения, заявившими о себе в советской печати, позволило этим «толстым» журналам продемонстрировать зарождающийся в условиях изгнания процесс формирования нового модуса творческого сознания. Пишущая молодежь испытывала острую потребность обретения собственного места в национальной культуре, которая, по их представлениям, могла жить и развиваться независимо от географических координат. Иными словами, картина эмигрантского мира,

⁴ Об идеологических основах журнала и литературно-общественной реакции на его появление см.: [17, с. 62–64].

построенная на непримиримом противостоянии России Советской и России Зарубежной, с появлением «Благонамеренного» и «Верст» утратила внешнюю однозначность и пропорциональность. В начале своей деятельности учредители двух журналов сформулировали новую концепцию современной литературы, которая ориентировалась на критерии исторической и национальной самобытности, осмысленной во взаимодействии традиции и новаторских тенденций.

Проблема модернизации эстетических канонов подспудно созревала в умах творческой молодежи. Многие ее представители нуждались в учительстве старших, но одновременно не находили в их эстетике и жизненных установках ответов на собственные запросы. Не имея симпатий к большевистскому режиму, они искали собственные пути создания национальной общности, независимо от сложившихся политических условий. Тесными стали для них и рамки безупречной русской прозы, за образцами которой они способны были почувствовать не столько продолжение традиций классической литературы, сколько консервацию этой традиции. Об этом «прокрустовом ложе» эмигрантского консерватизма Н. Берберова писала как об основном скрытом конфликте безвестных молодых и неизменно анагажированных именитых писателей:

Было также усиленное давление со стороны тех, кто ждал от нас продолжения бунинско-шмелевско-купринской традиции реализма (их термин, не мой). Попытки выйти из него никем не понимались, не ценились. Проза Цветаевой — едва ли не лучшее, что было в эти годы — не была понята. Поплавский был прочтен после его смерти, Ремизова никто не любил... [2, с. 339].

Как подтверждает поэтесса, во второй половине 1920-х для Ремизова создалась неблагоприятная литературная ситуация. Несмотря на зрелый возраст и опыт, его положение, до известной степени схожее с положением начинающих писателей, было незавидным. В парижских редакциях он чувствовал постоянное ущемление собственных творческих интересов. Почти всегда ему приходилось выполнять «заказ» редакций на конкретные жанры, упрощавший архитектуру его собственного художественного макрокосма. В редколлегиях его эксперименты с автобиографическим дискурсом встречались неприязненно⁵. Например, требования редакторов «Современных

⁵ Этой теме посвящены наши статьи: [10, с. 208–217]; *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) (в печати).

записок» к Ремизову носили откровенно ограничительный характер, как в письме М.В. Вишняка, адресовавшего писателю запрос, касающийся планирования номеров 1926 г.: «Что Вы готовите для “Современных” Записок»? Думаете ли вообще? Помните о нас и наших вкусах: реалистическое (Поле блакитное⁶) мы предпочитаем снам (La Matière⁷). Если что готово, сообщите, — мы возьмем в запас»⁸.

Берберова, разворачивая экспозицию литературного Парижа в интересующий нас временной отрезок, отмечала не только гегемонию политики над творчеством, но и общую атмосферу, характеризующуюся разряженным воздухом эстетического уравнения вкусов и стилей⁹. Неудивительно, что в подобной ситуации литературное поведение Ремизова обращало на себя внимание молодых, в глазах которых он представлял интерес как писатель, демонстрирующий широкий спектр художественных возможностей. Для небольшого круга он был единственным из старших, кто в общественной позиции проявлял крайний индивидуализм, а в личном творчестве последовательно осуществлял собственную программу, сочетавшую с обновлением авторской стратегии усилия по сохранению живой культурной традиции, понятной как в образах, так и в языковом звучании. Его методы обработки памятников бытовой письменности («Россия в письменах») провоцировали отклик на историю, понимаемую как часть национального бытия. Политическая независимость, формотворчество, интерес к исканиям литературных новичков — вот три основных мотива, которые создали «магнитные поля» притяжения молодежи к личности писателя, известного своим маргинальным образом жизни.

⁶ Повесть «В поле блакитном» издана в Берлине в 1922 г.

⁷ Глава из повести «По карнизам» — «La Matière», опубл.: Современные записки. 1926. Кн. 27. С. 101–157.

⁸ Amherst. Series 1. B. 4. F. 3; письмо от 23 декабря 1925 г.

⁹ Ср.: «Не вопрос тем, не вопрос языка был для эмигрантской литературы роковым. Роковым был для нее вопрос стиля. “Старшие” откровенно признавались, что никакого обновления стиля им не нужно, были старые, готовые формы, которыми они так или иначе продолжали пользоваться, стараясь не замечать их изношенности. Те из “младших”, которые были талантливы, только могли модулировать эти формы»; «Эстетических идей не было почти ни у кого, словно из века символизма мы шагнули назад, когда считалось, что для писания стихов нужны известные правила, а проза пишется самотеком. Их не было в “Современных записках”, потому что ни Фондаминский, ни Руднев, ни Вишняк не имели ничего общего с литературой» [2, с. 338, 339].

***

В конце марта 1926 г. Ремизов в сопровождении Серафимы Павловны отправляется в Брюссель по приглашению бельгийской Академической группы для участия в авторском литературном вечере¹⁰. Еще осенью 1925 г. инициатором этой поездки выступил поэт, член местного Пен-клуба князь Д.А. Шаховской. Его знакомство с писателем произошло в сложный период экзистенциального выбора жизненного призвания, обстоятельства которого были тесно связаны с рефлексией относительно собственной национальной и культурной идентификации. Впоследствии архиепископ Иоанн Сан-Францисский писал об этом внутреннем процессе: «Во мне созревала и всё более осознавалась радостная для меня с детства языковая русская стихия...» [7, с. 85].

Переписка молодого князя с Ремизовым зафиксировала доверительный диалог представителей двух поколений, заинтересованных друг в друге¹¹. Основной темой этого общения, которое началось осенью 1924 г., по всей вероятности, после личной встречи в Париже, стало первое и последнее литературное предприятие Шаховского — журнал «Благонамеренный». К «статикам», по определению Берберовой, молодого редактора можно отнести лишь в том смысле, что человек религиозный, философского склада мышления, оттого и назвал свой журнал патриархальным словом *благонамеренный*, что вознамерился войти в историю литературы с «пацифистским» настроем, создав платформу для развития пишущей молодежи, свободной от гнета авторитарных мнений литературных мэтров.

Хотя брюссельское издание и было придумано Шаховским для реализации собственных творческих исканий, на самом деле в них отразились настроения пишущей эмигрантской молодежи, как и он, прошедшей горнила гражданской войны и покинувшей Россию, едва достигнув 20-летнего возраста. Для многих из этого поколения литературное творчество стало способом обретения «ментальной» территории для выражения образа мыслей средствами родной речи¹².

¹⁰ Намеченная в конце минувшего года аналогичная поездка, организацией которой занимались Г.В. Цебриков и его супруга, сорвалась по болезни Серафимы Павловны (см. об этом: [7, с. 38–39]).

¹¹ См. публ. писем Ремизова: [11, с. 219–230]. Письма Шаховского (1924–1929) сохранились в американском архиве Ремизова: Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. B. 2. F. 5. Далее ссылки на материалы архива приводятся сокращенно: Amherst, с указанием шифра.

¹² В большинстве случаев литературные дебюты этого поколения вследствие слабой языковой «прикоренности» угасли после кратковременных творческих взлетов. Ср. воспоминания о Д. Кнуге: [2, с. 264].

Вместе с тем им хотелось найти собственное место не только в эмигрантском хронотопе, но и в европейском культурном пространстве. Для молодежи, быстро улавливающей «иностранные» веяния, но вместе с тем имевшей основания для глубоких ностальгических переживаний, жизнь в изгнании была, несомненно, лишена «стержня», в отличие от писателей-политиков, которые осознавали свое творчество культурной ценностью и поставили целью отстоять свое право на родину. Основной смысл деятельности старшего поколения состоял в защите личных политических убеждений и возвращении в Россию «без большевиков»: исходя из ситуации революционных лет, по-прежнему разобщаясь по партийным признакам, они объединялись лишь на почве единодушной ненависти к победившей власти. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн на склоне лет, описывая взгляды молодого князя Шаховского, воспроизвел характерную для его сверстников отчужденность от пафоса борьбы старших. В этом ракурсе политическое состояние эмигрантского общества на момент 1926 г. находилось в стадии вялотекущего процесса:

...«правые» и «левые» не имели для меня уже тогда <...> никакого нравственного значения. Я уже ясно видел, что они потеряли всякий смысл после Октября. К тому же, у литераторов, в кругу которых я стал бывать, *левое* и *правое* располагалось как-то иначе <...>. Ив. Бунин, Бор. Зайцев, Марк Алданов, Владислав Ходасевич, в те дни, вполне могли быть отнесены к «правым». А Ал.М. Ремизов, Марина Цветаева, Д.П. Святополк-Мирский, ряд евразийцев, могли быть отнесены к «левым». Но и эти «правые» печатались в эс'эр'овской «левой» пражской «Воле России», и тоже в эс'эр'овских, но консервативных парижских «Современных Записках», смыкающихся — через Фундаминского-Бунакова и Степуна — с православными мыслителями парижских кругов... [7, с. 91–92].

Общение и дружеская переписка с Ремизовым для молодого князя, выпускника историко-филологического факультета Лёвенского католического университета, состоялись, по всей вероятности, из чувства симпатии к демонстративно аполитичной позиции писателя, для которого эстетический критерий ни в коей мере не зависел от идеологических установок, приобретающих в условиях эмиграции самые категорические формы¹³. Интерес к литературе и ее возмож-

¹³ Шаховской в воспоминаниях привел случай своего эпистолярного диалога с Буниным, который, узнав, что новоявленный редактор князь Шаховской посетил в 1925 г. Капри, где в то время находился на лечении Горький, чуть было не отказался

ностям отражать жизнь без политических мотиваций был поставлен молодым филологом во главу угла задуманного им издательского предприятия.

«Благонамеренный», несомненно, стал явлением новым и независимым от влиятельных литераторов и политиков. Впервые заявку на «толстый» литературный журнал выдвинул не общественный деятель, как это было заведено в литературном хозяйстве эмиграции, а поэт-филолог¹⁴. В противовес молодежному проекту редколлегия парижских «Современных записок» была представлена известными в недавнем прошлом политиками. Именно их решения определяли и стратегию журнала, и литературный мейнстрим современности. Лишь немногие молодые, пройдя политическое и эстетическое сито редакции, допускались на страницы «Современных записок», сотрудничество с которым, по словам Берберовой, «было своего рода знаком эмигрантского отличия». Дистанцируясь от прожитых лет, к объективной характеристике этого безусловного «памятника эмигрантской печати» она всё же добавила впечатления молодости, припомнив и ядро редакции, представители которого «ничего в литературе не понимали», и насаждавшиеся критерии отбора произведений «при отсутствии свободы для большинства авторов, придавленных старомодными вкусами и требованиями редакторов» [2, с. 286].

В переписке с Ремизовым Д.А. Шаховской, обдумывая задачи и цели своего «журнала русской литературной культуры», обозначил основное направление редакционной стратегии. Обратим внимание на его эпистолярное высказывание, очевидно, подстроенное под ремизовское отношение к сложившейся в Париже «централизации» литературной жизни:

от участия в первом номере «Благонамеренного», а согласившись, не устал напоминать о своем условии сотрудничества: «если Вы не были у Горького» [7, с. 83]. Между тем в планах молодого редактора такая встреча была, и ее целесообразность обсуждалась в переписке с Д.П. Мирским, который как человек, настроенный, в отличие от Шаховского, более экстремистки по отношению к парижским литераторам-политикам, советовал: «Горького я на Вашем месте посетил бы и написал бы об этом в Звене» [7, с. 202].

¹⁴ Ср. также реплику Шаховского-критика, рекомендующего другой эмигрантский журнал: «“Воля России” имеет перед “Современными Записками” то несомненное преимущество, что один из их официальных редакторов — человек непосредственно относящийся к Литературе. Не от этого ли “Воля Россия” <sic!> более “живой” журнал, несмотря на то, что в нем не появилась бы “Митина любовь” Бунина, и там не родился бы — во весь рост — Алданов» (Д.А. <Шаховской>. [Рец. на:] «Современные записки». Кн. XXV. 1925 г. Париж // Благонамеренный. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 160). Рецензия была написана «в духе» идей Мирского, развернутых позднее в лекции «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» и его рецензии к пятилетнему юбилею «Современных записок» (см. примеч. 87).

Мыслью «Благонамеренный» как отображающего лучшую молодую литературу... пока, только, за рубежом, — hiles! Быть подголоском «Современных записок» или «Окна» — нет сил, лучше совершу детоубийство¹⁵.

Отчасти «Благонамеренный» составил конкуренцию парижским газетам «Дни» и «Звено». Значительное место в журнале, как и в названных литературно-политических изданиях, было посвящено обзору творчества и публикаций писателей из советской России в рецензиях раздела «Библиография», которые на страницах двух первых книг начали раздвигать «горизонт» интересов редакции. Как следует из приведенного выше письма Ремизову, Шаховской предполагал создание единого, не регламентированного границами и политическими взглядами литературного пространства русскоязычной литературы. Эта позиция подкреплялась даже приемами оформления журнальных номеров, где каждая публикация завершалась типографской маркой зарубежных или советских издательств, поставленных безотносительно к местоположению автора — будь он в диаспоре или метрополии.

Редакторские задачи Шаховского сблизили его с Ремизовым, при содействии которого в журнале были напечатаны стихи, проза и критические заметки парижских молодых авторов — В. Диксона, Б. Сосинского, Д. Резникова, К. Мочульского. Нет сомнений, что в период формирования идеи «Благонамеренного» Ремизов для Шаховского исполнил роль Вергилия, не только открыв неизвестные слои русской культуры и звучание подлинного языка, но и укрепив в мысли учредить печатный орган, свободный от политического соперничества. Разумеется, писатель видел и собственный практический смысл в деятельности нового журнала. Личные интересы в его сотрудничестве с Шаховским были облагорожены гуманитарной задачей, которая вполне органично согласовывалась и с творческой программой. В августе 1926 г., предлагая для первого номера рассказ из цикла «Россия в письменах», Ремизов, обращаясь к молодому редактору, наметил свою миссию в будущем журнале: «Посылаю № 1 “Рос. в пис.” — “Купчая”. Прочитав, вы еще больше убедитесь в необходимости завести в журнале такой уголок, где бы Россию поминали, вспоминая, по русским словам. Это нужно особенно для попавших сюда русских» [7, с. 221]. Осенью, в ожидании первой книги из типографии, он раскрыл свои личные планы еще более

¹⁵ Amherst. Series 1. B. 2. F. 5; письмо от 5 января 1926 г.

конкретно: «Мне очень хочется, чтобы “Благонам.” жил, а я бы из № в № рассказывал о России» [7, с. 222].

Мысль о сохранении культурной памяти, актуальной для соотечественников по обе стороны границ, Ремизов повторил и в очерке, напечатанном в первой книге журнала:

Чтобы знать свой язык, мало знать, как пишется слово и выговаривается, надо знать, как писалось и выговаривалось. А для этого необходимо ходить по письменным русским векам — читать старинные грамоты, памяти и изучать памятники литературы. Это и для России, где живут русские люди, и для заграницы, куда попали жить русские люди¹⁶.

В содержании дебютного номера, вышедшего из печати в первую декаду января 1926 г., мы находим и другие признаки неявного присутствия Ремизова. В «Философическом обосновании» идеи *благонамеренности* литературного творчества Шаховской сформулировал мысль о тождественности жизни и литературы, в это время осуществлявшейся писателем в авторской прозе¹⁷. Концепция нового журнала не исключала «литературной борьбы», которая выражалась в преодолении заданного в парижской периодике редакционного принципа «общего знаменателя». Отказ от усредненного уровня литературного самовыражения представлялся начинающему редактору залогом развития гармоничного литературного сообщества.

***

Как профессиональный филолог Шаховской определенно имел амбициозные планы создать в своем журнале некий срез современной русской литературы. В этом целеполагании молодой редактор вскоре приобрел союзника в лице равного ему по сословному происхождению Д.П. Святополк-Мирского. Именно Ремизов познакомил князей, предполагая объединение новых литературных сил¹⁸. Между тем настроения старшего из них выражались в определенно более радикальных действиях, направленных не к консенсусу разнообразных литературных тенденций, о котором мечтал Шаховской, а на де-

¹⁶ Ремизов А. Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 136. См. также: [14, т. 13, с. 639].

¹⁷ Благонамеренный. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 3–10.

¹⁸ Ср.: «С Д.С. <sic!> Святополк-Мирским мы встретились в Париже у Ремизова. По-видимому, это было в конце 1925 г.» [7, с. 206].

монстративное размежевание с литературными консерваторами. Эту «ложку дегтя» Мирский сумел пронести на страницы «Благонамеренного»¹⁹. Применяя опыт историка литературного процесса современности, он также взялся ориентировать своего младшего коллегу, в частности, в выборе литературных «флагманов». Соответственно, по выходе первого номера брюссельского журнала в письме Шаховскому были высказаны критические наблюдения и рекомендации:

Не одобряю я в Благонамеренном: <...> некоторый дух просвещенного консерватизма (Бунин — Ходасевич — Алданов) писатели почтенные, но импотентные. Ориентируйтесь более определенно на творческую левую часть «зарубежной литературы» — Цветаева, Ремизов, положим, вот и обчелся [7, с. 205].

Выступления Мирского в духе революционного борца с литературной рутинной продолжились и на площадках парижских объединений. В зале Общества молодых писателей и поэтов на avenue Denfert-Rochereau 5 апреля 1926 г. лондонский гость прочел доклад «Культура смерти в русской предреволюционной литературе»²⁰, в котором был очередной фехтовальный выпад против парижского литературного бомонда. Главными субъектами его критических оценок были выбраны хранители «петербургской культуры» в эмиграции — З.Н. Гиппиус, И.А. Бунин, М.А. Алданов. На это выступление Ремизов отправился в сопровождении З.А. Шаховской и ее жениха — евразийца С.С. Малевского-Малевича. Юная княжна Шаховская очень подробно запомнила все обстоятельства того вечера:

Раз я с Ремизовыми и с мужем²¹ пошла на какое то очередное собрание, имевшее место на рю Данфер-Рошро. Лекция Д. Святополк-Мирского о культе смерти в русской литературе; позднее появилась его статья на эту тему, но уже без некоторых вводных фраз²². Рядом с лектором, на подиуме, Сувчинский. Я мало знала Мирского, взгляд его казался мне издевающимся, а голос «носатым», и он меня отпугивал чем-то. Говорил отменно умно, в одном месте подчеркнув

¹⁹ См. критические выступления Мирского в «Благонамеренном»: «О нынешнем состоянии современной литературы» (1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 90–97); «О консерватизме» (1926. Кн. 2, март–апр. С. 87–93).

²⁰ Подробнее о лекции: [15, с. 340–341].

²¹ Весной 1926 г. Шаховская еще не была замужем. Венчание молодоженов состоялось осенью — 21 ноября [21, с. 124].

²² См.: *Святополк-Мирский Д., кн.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. 1927. № 2. С. 247–254.

«как сказал выдающийся русский писатель Кундышин». Вышли мы на улицу целой группой. <...> Мирский принимал похвалы. В.Н. Ильин вздымался и падал в метафизические дебри. Наконец кто-то в замешательстве спросил, с редким для него смущением: «Прости, Дима, я что-то не могу вспомнить, кто был Кундышин». Святополк-Мирский важно: «Совсем не был, я его выдумал» [21, с. 24–25].

Судя по рассказу очевидицы, тесное общение с Ремизовым раскрепостило академический стиль профессора, успешно применившего в своей риторике его художественный прием, благодаря которому в историко-литературную реальность проникали мифические имена²³. Иронический настрой лектора вовсе не способствовал конструктивной дискуссии о литературе, поскольку историк современного литературного процесса буквально «опустил занавес» над дореволюционной «петербургской» эстетикой, непосредственно адресуя свой вердикт внимающим ему из зала известным писателям — представителям эпохи. Вопреки замыслу ниспровергателя кумиров его выступление не повергло аудиторию в уныние. Во всяком случае, присутствовавшие в зале Ходасевич, Бунин и Алданов сочли его лекцию «белибердой» и отпраздновали ее «провал» в соседнем кабачке²⁴. Однако эти впечатления, переданные письмом, по-видимому, сильно встревожили Шаховского²⁵. Нетрудно представить настроение неопытного редактора, который взял на себя миссию миротворца, прокладывающего молодым путь в большую литературу, а оказался втянутым в борьбу за литературное и идеологическое влияние. Отнюдь не благополучную печатную судьбу предвещали и критические отклики на первые два номера его журнала²⁶.

²³ О подобных прецедентах см.: [4, с. 191–199].

²⁴ См. письмо Вл. Ходасевича Шаховскому: [7, с. 193–194]. Ср. запись от 5 апреля (понедельник): «Вечером» Союз поэтов (Докл<ад> Святополк-Мирского: “Культура смерти в предреволюционной рус<ской> литературе”. Бунин, Алданов, Потресов-Яблон<овский>, Бахрах, Терапиано, Даманская). В кафэ (Бунин, Алд<анов>, Бахр<ах>, Вейдле). В старин<ный> кабачок (они же)» [18, с. 84].

²⁵ Ср. также письмо С.Я. Эфрона Шаховскому: «В понедельник устраиваем диспут. Докладчик Мирский. Тема: “Культура смерти в предреволюционной русской литературе”. Будет бой» [7, с. 391].

²⁶ См. рецензии Н.Н. Кнорринга, поставившего под сомнение положения, выдвинутые в редакционной статье Шаховского (Последние новости. 1926. № 1772, 28 янв. С. 3; подпись: Н. К-г); Н.Ф. Мельниковой-Папоушек, посчитавшей «случайностью» публикацию очерка Ремизова «Купчая» в составе первого номера (Воля России. 1926. № 3. С. 200–202); Мих. Осоргина, который отметил во второй книге изменения первоначальных редакционных интенций к худшему, «что журнал, созданный литературной молодежью, поэтами и писателями, еще не признанными

Минорные нотки, свидетельствующие об охлаждении Шаховского к своему издательскому начинанию, впервые прозвучали в письме, отправленном Ремизову 24 мая. В частности, возникла оговорка, отменяющая срочность доставки в редакцию долгожданных рукописей для следующей книги. Послание молодого князя едва скрывало глубокую обиду на критиков и растерянность перед будущим:

...спешки сейчас никакой нет, решили малость подождать с 3-м № (и со вторым следовало бы подождать, как советовал Ф.А. Степун!²⁷). Всё из-за финансовых обстоятельств. Чистое мучение Соколову²⁸ с книготорговцами. Человек он неопытный, да горячий! Те холодны... как сама статья о Благонамереном в «Днях» под крылом Ходасевича²⁹. <...>

Что это Версты не выходят. Пора бы им³⁰.

Огорчения молодого князя были вызваны не только холодным приемом парижской критики, но и обманутыми ожиданиями: Мирский заверял его в личной переписке о намерении выпустить «Версты» не позднее 15 мая, чтобы выступить с «Благонамеренным» «единым фронтом» на защиту литературы от консерваторов и политиков³¹. Известно, что к началу июня был собран третий номер

и не утвержденными в этом звании, — этой молодежи и будет принадлежать», а также иронично отозвался о восхвалении молодыми авторами их кумира Ремизова (Дядя и тетя // Последние новости. 1926. № 1863, 29 апр. С. 2–3); Ю. Айхенвальда, усомнившегося в «серьезности» диалога Мирского «О консерватизме» (Руль. 1926. № 1647, 5 мая. С. 2–3); Ф.А. Степуна, начавшего свою критику с констатации: «Второй номер “Благонамеренного” и лучше (цельнее) и хуже (беднее) первого» (Современные записки. 1926. Кн. 28. С. 483–486).

²⁷ Ср. письмо Ф.А. Степуна Шаховскому от 19 февраля 1926 г.: «Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, давно собирался написать Вам и приветствовать № 1 “Благонамеренного”, который меня поразил своей не только благонамеренной типографской внешностью, но и превращенностью намерения в действительность. Удивляюсь Вашей мужественности. Мне казалось бы, что с появлением 2-го надо было бы повременить, или Вы уже распродали первый?» [7, с. 385].

²⁸ Григорий Соколов — директор журнала «Благонамеренный».

²⁹ Статья Ходасевича о «Благонамеренном» в «Днях» не зарегистрирована в библиографии критических статей поэта [19]. Однако в письме Шаховскому от 17 января поэт предполагал такую рецензию. Ср.: «В “Днях”, конечно, будет сочувственная рецензия о “Благонамеренном”. А на мою ворчню не гневайтесь: она продиктована искренним доброжелательством. Если б я промолчал о том, что мне не нравится, я бы чувствовал себя перед Вами неправдивым» [7, с. 186].

³⁰ Amherst. Series 1. В. 2. F. 5.

³¹ См. письмо Мирского от 21 апреля [7, с. 212], а также письмо Эфрона от 2 февраля, в котором в той же риторике выражалась надежда на организацию союза журналов: «Вы, верно, уже знаете из газет, что мы (Мирский, Сувчинский и я) задумали издавать в Париже Литературный журнал. Думаю — направление

брюссельского журнала, включавший текст нашумевшей лекции его лондонского «союзника»³². По предложению редактора, именно Ремизов должен был создать в книге «вторую ось», чтобы «уконтробалансировать»³³ остро полемические выступления Мирского и разностилье прозаических произведений молодых авторов.

Мирский после скандальной лекции ожидал ответную реакцию критики. Очевидно, в свете безрадостной перспективы он в ответном письме Шаховскому нарисовал неприглядное будущее для журнала «евразийцев», которые спешили нажать себе врагов: «<...> “Версты” когда-нибудь выйдут. (Мало веры у меня, что будет продолжение их), хряснутся на 1-ой кн.» (письмо от 27 мая 1926 г.) [7, с. 226].

Однако, вопреки высказанному прогнозу, срыв произошел именно с политически безвредным «Благонамеренным». Как впоследствии вспоминал архиепископ Сан-Францисский Иоанн, в начале июня с ним произошло одно из первых мистических событий, заставивших переоценить избранное им мирское дело. Видение о «Книге Книг Соблазна», посетившее его июньским днем 1926 г. в брюссельской редакции, решило судьбу и князя Шаховского, и его журнала [7, с. 86]³⁴. Ремизову известие о завершении издания «Благонамеренного» пришло 24 июня. Первая реакция писателя зафиксирована в письме к жене: «Получилось письмо от Шаховского. Благонамерен<ного> не будет. Очень грустное. Он едет в Грецию, а потом поступит в Академию здесь. Это хорошо»³⁵.

С закрытием «Благонамеренного» Ремизов в очередной раз ощутил свое литературное одиночество: его представления об авторской свободе — праве на индивидуальный, не «усредненный» стиль — мало согласовывались с запросами парижских редакций. Оглядывая приготовленные для брюссельского журнала рукописи, он обреченно подвел итог своим усилиям: «В Совр<еменные> Зап<иски> такого не примут»³⁶. В журнале Шаховского Ремизов предпринял первые шаги

его будет Вам близким, хотя по темпераменту может Вас испугать (левый). Верю, что “Благонамеренный”, наши “Версты” и литературная часть “Воли России” образуют единый литературный фронт. Тем более, что наши сотрудники (исключая российских) в большинстве своем и Ваши. Но Вы-то сами несомненно наш. Так, по крайней мере, я Вас чувствую» [7, с. 390].

³² Третий номер не вышел из печати. См. публикацию: *Святополк-Мирский Д., кн. Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. № 2. С. 247–254.*

³³ Amherst. Series 1. B. 2. F. 5; п. от 1 июня 1926.

³⁴ Ср. также хронологию событий: «Начало июня 1926 г. это уже было время окончания моего внутреннего переворота, вернее процесса, когда я уже вставал на путь монашества» [7, с. 217].

³⁵ См. текст оригинального письма: Наст. изд., с. 75.

³⁶ Там же, с. 76.

в литературно-критической деятельности³⁷, которая, по справедливому замечанию Осоргина, была отчасти рекламой собственных произведений³⁸, однако причина ее состояла в неудовлетворенности освещением его творчества в эмигрантской прессе и желании сформулировать свой взгляд на литературные процессы современности.

В главе эпистолярного романа «На вечерней заре» приведенный нами выше фрагмент оригинального письма к Серафиме Павловне *post factum* увязывался с публикацией статьи З.Н. Гиппиус «Мертвый дух», появившейся буквально через неделю после получения от Шаховского известия о завершении литературной деятельности. Название этой первой «бомбы», полетевшей в сторону «евразийцев»³⁹, напрямую было ассоциировано с лекцией Мирского, а содержание обращено на два номера журнала Шаховского, о прекращении издания которого критик еще не могла знать⁴⁰. Разгромная статья только готовилась к печати, а все худшие предположения Гиппиус-политика, узревшей в «Благонамеренном» начальные признаки большевистской проказы, проникающей в жизнь эмигрантского мира, уже сбылись: из печати вышел наконец первый номер журнала «Версты» под редакцией Святополк-Мирского, «при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова».

Даже в редколлегии журнала, опубликовавшего статью Гиппиус, это печатное выступление не решились назвать «литературной критикой», дав жанровое определение «открытое “обличение”»⁴¹. В характерной манере категоричных суждений здесь была вскрыта причастность всех ближних и дальних участников краткой истории «Благонамеренного» к худшему из «зол» эмигрантского мира — спекуляции на патриотических чувствах, которыми пользовались просоветски настроенные идеологические движения — и сменовеховцы, и евразийцы. Гиппиус, выступившая от лица своего литературного

³⁷ См. блок рецензий, подписанных криптонимом «А.Р.»: Благонамеренный. 1926. № 2, март–апр. С. 164–167.

³⁸ См. примеч. 26.

³⁹ Ср. письмо Мирского от 22 июля 1926 г.: «Говорят, бомба Зин<аиды> Гиппиус против меня вылетела. Пока не видал» [15, с. 384].

⁴⁰ Ср. письмо Гиппиус к Н. Берберовой от 13 июля 1926 г.: «Бунин верит, что Шаховской вправду уехал на Афон в монахи, как написал ему, а я, грешным делом, считаю это авантюрой» [3, р. 3].

⁴¹ Ср.: «Мы с удовольствием даем место открытому “обличению”, принадлежащему перу Антона Крайнего. Не во всем редакция солидарна с талантливым автором, считая, например, излишними проникновения в мотивы литературной деятельности обличаемых писателей» (*Антон Крайний* [Гиппиус З.Н.]. Мертвый дух // *Голос минувшего на чужой стороне: Журнал истории и истории литературы* / под ред. С.П. Мельгунова и Т.И. Полнера. 1926. № 4. С. 257 (примеч. ред.)).

alter ego Антона Крайнего, предупреждала о покушении на единство антибольшевистских сил эмиграции: «Даже самыми ничтожными с виду, и теми не надо пренебрегать»⁴², — писал этот литературный ригорист, усматривая в журнале «маленького Шаховского» грозный симптом изменения политического климата эмиграции. «Пора бы понять, что эмиграция, в известном смысле, есть цельность, и в какой бы из ее областей ни появлялись знаки разложения — это имеет одинаковую важность»⁴³. По логике Гиппиус, упоминание советских писателей на страницах «Благонамеренного» было достаточным поводом забить тревогу. Предметом обвинений стала эстетика, нарушающая черно-белую картину мира, в которой источником зла

во всех проявлениях оставалась советская Россия, а выразителем добродетели и жертвенного служения потерянной родине — эмиграция. «Разлагателями-эстетами я и намерен заняться»⁴⁴, — объявил Антон Крайний, нацеливая свое перо на конкурентов, заявивших о новых целях и задачах писателей зарубежья, и пояснял принципиальность своих действий: «Пора бы понимать, что область эстетики, искусства, творчества — не придаток и что нет разницы, с какого конца начинает гнить рыба: с хвоста или с головы»⁴⁵.

Ф. Рожанковский. Эмигрантские карты. Дамы II. Фрагмент: З.Н. Гиппиус.
 Опубл.: Иллюстрированная Россия. 1926. № 28 (61), 10 июля. С. 3.

F. Rozhankovsky. *Émigré cards. Dames II. Fragment: Z.N. Gippius.*
 Publ.: *Illustrirovannaia Rossiia*, no. 28 (61), July 10, 1926, p. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 258.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 263.

Самого опасного в этом ансамбле «провокаторов» Гиппиус распознала безошибочно: Святополк-Мирский, один из критиков «Благонамеренного» и недавний разоблачитель «петербургской эстетики», в приемах которого она нашла соответствие тактике напостовцев, также объявлявших писателей-эмигрантов отжившим прошлым русской культуры. Ремизову в предъявленном Гиппиус обвинительном акте был отведен отдельный пассаж, изобразивший писателя едва ли не литературным оборотнем, «эстеторазложенцем» эмигрантской молодой литературы:

Ремизов, соседствующий с Цветаевой справа, слева, со всех сторон, — в несколько ином положении. Он, хотя и сам великий обманщик, но обманщик невинный, бескорыстный, — мистификатор. Если он очутился в данном течении, попустил воспользоваться собою, своим именем, то частью по вечным: «да что ж?», «да все люди хорошие», а «печатают да хвалят — слава Богу»; частью же потому, что потерял меру притворства и уже не всегда знает, что можно, чего нельзя. Я его, однако, не оправдываю. Именно, с большого писателя, каков Ремизов, — спросится ответ и за это (пусть лично невинное) содействие разложению⁴⁶.

При редактировании собственных писем к Серафиме Павловне в 1940-х гг. Ремизов, вспоминая свои публикации в журнале «Благонамеренный» (исторические документы прошлых веков в очерках цикла «Россия в письменах» и несколько легенд), саркастически прокомментировал критические инвективы в свой адрес, по-прежнему считая нападение Гиппиус курьезным доказательством того, что в эмигрантской критике образца 1926 г. политика заместила не только литературные критерии, но и здравый смысл: «З.Н. Гиппиус убеждена, что <...> дяки XVII в. подсланы “большевиками” — “разлагать эмиграцию”»⁴⁷.

Основной вывод Ремизова, переживавшего бесславную «кончину» брюссельского молодежного журнала, заключался в объективации основных мотивов литераторов-политиков, не допуская конкуренции и идеологического разброда: «Думал, читая Шаховского: ведь до чего злости тут наелись, ведь съели журнал! “На большевицкие деньги”. “Мертвый дух”. И пошлó. И останутся — “Современные > Записки”»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 260.

⁴⁷ Письмо от 5 июля 1926 г.; полный текст готовится к публикации.

⁴⁸ Ср. текст оригинального письма: Наст. изд., с. 75.

Шаховской перед отбытием на Афон, поспешно обрывая мирские связи, сожалел о немногих утратах. Как передавал Ремизов Серафиме Павловне, в несохранившемся письме будущий инок на прощание пожелал «сказать *личное* нам и если <...> увидеть тут в Париже, то только нас»⁴⁹. Отчасти это «личное» было высказано публично — в рецензии Шаховского на третий номер журнала «Воля России», практически полностью посвященной главам из романа «Взвихренная Русь». Однако, на наш взгляд, особенность этой заметки состоит не в том, что она написана с искренним пиететом к творческой личности Ремизова, а в симптоматичном для нового поколения пересмотре эстетических критериев литературного творчества. В новом ракурсе Шаховского и его «сочувственников» Ремизов представлял собой явление, не укладывающееся в каноническую норму. Он был выразителем многослойного художественного повествования, в котором семантическая нагрузка распределялась не только на вербальное выражение, но и на знаки препинания и графику текста. Именно этим он был так притягателен для пишущей молодежи:

Тончайший писатель — Алексей Ремизов. Это к Минцлову <С.Р. Минцлов. — *Е.О.*> подходить не надо, он сам подойдет. А к Ремизову надо подойти. И не просто, а осторожно. Ремизов огромный писатель, но не литературный писатель.

Всякий принимающий ремизовские черточки и кавычки за «литературу» — не понимает Ремизова. В эти-то черточки — провалы безмолвия — опускает Ремизов всё, что требует от него «литература», — оставляя в полных строчках ценнейших свой дух, простой, добрый, чуткий. Ремизов один из самых редких писателей — современник большевизма. — Он подходит к нему с громаднейшей печалью, беззлобно, и смиренно несет свою судьбу⁵⁰.

Несомненно, отчуждение Шаховского от круга литераторов было продиктовано не только монашеской аскезой, но и сгустившейся весной 1926 г. общей грозовой атмосферой поколенческих разногласий, которые лишь укрепили князя Димитрия Алексеевича в решении бежать от «соблазнов» и распрей литературного мира.

⁴⁹ Там же. С. 76.

⁵⁰ Д. <Д.А. Шаховской> [Рец. на:] Воля России (журнал политики и культуры). № III. Прага // Благонамеренный. 1926. № 2, март–апр. С. 177.

***

Итак, практически одновременно с выходом первого номера брюссельского «Благонамеренного»⁵¹, в середине января 1926 г. возник сходный в основных тенденциях «евразийский» проект, ставший в некотором смысле частью научной деятельности историка русской литературы, критика, профессора славистики королевского колледжа Лондонского университета Д.П. Святополк-Мирского⁵². После завершения «Благонамеренного» Ремизов, опасавшийся идеологической направленности «евразийцев», был обнадежен сформировавшейся к этому времени программой нового внеполитического издания⁵³. Казалось, что Мирский и его товарищ П.П. Сувчинский поставили перед собой задачу реорганизовать литературную ситуацию эмиграции, учредив в поддержку брюссельской молодежи еще один «толстый» журнал, открытый новым творческим тенденциям.

Скоро Ремизов смог убедиться, что «евразийцы» отвели ему в своих планах отнюдь не эпизодическую роль. В 1925–1926 гг. отношения писателя с солидными периодическими изданиями становились всё сложнее. В ограничительных мерах редакций,

⁵¹ Вышел из печати не позднее первой декады января 1926 г.

⁵² История отношений Ремизова с редактором «Верст» и подробное описание истории литературной дискуссии вокруг этого издания см. в статье и комментариях Р. Хьюза: [15, с. 335–401].

⁵³ Еще в начале решения организационных вопросов, связанных с будущими «Верстами», С. Эфрон, в конечном счете занявший должность заведующего редакцией, 4 марта в письме В.Ф. Булгакову сообщал о новом журнале, имевшем целью литературный переворот в эмиграции: «В Париже начинается толстый двухмесячник (литература, искусство и немного науки), вне всякой политики. <...> первый в эмиграции свободный журнал без всякого “напостовства” в искусстве и без признака “эмигрантщины”. <...> тон журнала очень напористый, и в Париже он произведет впечатление разорвавшейся бомбы» (цит. по: [22, с. 343]). Ср. письмо Мирского Шаховскому от 21 апреля 1926 г.: «Версты не будут евразийским органом, несмотря на участие нескольких Евразийцев (к числу коих я себя не причисляю, хотя отчасти сочувствую). Что касается до Евразийского номера Благонамеренного, я не особенно буду Вас поддерживать. Евразийство сейчас переживает острый кризис, и возможно его расхождение на “правое” и “левое”...» [7, с. 212]. Между тем в воспоминаниях современников бытовали и противоположные оценки деятельности Мирского, соответственно, подвергающие первоначальный «литературный» профиль «Верст» сомнению. Ср. оценку исследователя, полагающегося на воспоминания, записанные со слов престарелой современницы в 1974 г.: «Мирский в то же время легко манипулировал своими литературными оценками, как того требовала прагматика его политических увлечений. Ближе его знавшая во второй половине 1920-х годов Вера Сувчинская (Трейл) в своих поздних устных мемуарах утверждала, что литература как таковая вообще не представлялась Мирскому серьезной областью приложения умственных сил и весь он внутренне был занят политикой» [23, с. 328].

не приветствующих его творческие эксперименты, писатель был склонен видеть посягательство на эстетику индивидуального творчества. В этих обстоятельствах он пытался отстоять собственное «право печатать всё, что хочешь безо всякой редакционной цензуры»⁵⁴. Естественно, что проект Мирского–Сувчинского вызвал в нем оживление угасшего было интереса к коллективной деятельности⁵⁵. Из почти ежедневной переписки писателя с Сувчинским следует, что в начале января в задуманном новом евразийском издании, предварительно называвшемся «Русские сборники»⁵⁶, литературный отдел еще не был утвержден. Именно на этом этапе от Ремизова, не разделявшего идеологических интересов своих друзей, но чутко улавливавшего их литературные пристрастия, поступило предложение:

Дорогой Петр Петрович!

<...> я всё с той же своей мыслью о введении в евразийский сборник «художеств<енных>» произвед<ений>, но без всяких примечаний и без всяких вступлений и толкований. Это оживит книгу. Это даст «стиль» и именной и словесный. Вот французы это поняли и у себя так делают в “Philosophies” (в теперешнем “Esprit”) — такой журнал философский.

Ну что бы вам для начала взять меня и Марину Цветаеву. Мой «Свиток» про Илью и ее стих, всё равно какой. Мысль у вас сначала была верная, когда вы и обложку к книге сделали.

Сделайте теперь опыт⁵⁷.

Ремизовская инициатива вскоре была поддержана, и в феврале — начале марта идея сборника преобразовалась в формат литературного журнала, в обсуждении названия которого писатель принял самое горячее участие. Очевидно, подразумевая евразийскую подоплеку будущего органа печати, он настойчиво советовал редакторам близкие по исторической этимологии

⁵⁴ Цит. по воспроизведению фотографии с «обезьяншей» юбилейной грамоты Б.К. Зайцева: [5, с. 318].

⁵⁵ Последний раз такая заинтересованность была связана с образованием петербургского издательства «Сирин» в 1912 г. См. об этом: [8, с. 229–232].

⁵⁶ См. упоминание этого названия в письме Мирского от 11 февраля 1926 г.: [29, p. 47].

⁵⁷ Bibliothèque nationale de France (FR BNF) 39609744; письмо от 8 января 1926 г.

словосмыслы — «Орда» или «Ясак». Первое название писатель считал находкой, заключающей в себе комплекс символично-эμβлематических значений, одно из которых — день именин Сувчинского, названного в честь преподобного Петра Ордынского, царевича; он, не пропускавший символических совпадений, с восторгом подчеркивал в очередном письме:

Дорогой Петр Петрович,
очень боюсь, что вы передумаете заглавие и <на> «Орду» не согласитесь. Это звучнейшее слово и с крепью и твердостью, а мало бы что под него не подставляли! Дезорганизованность будто ордынская это потом, как и многое потом наговорено.

Тем более ОРДА
что ангел-то ваш Петр Царевич Ордынский!
и в Москве Петровский монастырь стоит высокий красный там в революцию какое-то пристанище чеки было устроено. А в случае, как расположить участников, я думаю так

ОРДА

под редакцией ПЕТРА Сувчинского
при участии: МАРИНЫ Цветаевой — ДМИТРИЯ Сувчинского

ЛЬВА И* (Шестов)

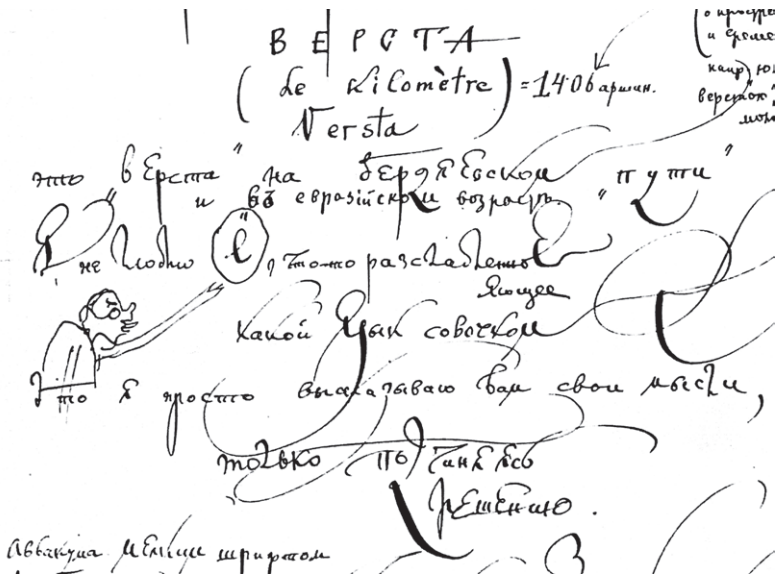
АЛЕКСЕЯ Ремизова → если, конечно,

непременно

понадобится мое имя

зав. редакцией: СЕРГЕЙ Эфрон⁵⁸

⁵⁸ FR BNF; письмо от 12 февраля 1926 г. Ср. также интерпретацию Цветаевой принципа отбора ближайших участников журнала: «Вчитайтесь и вдумайтесь и поймите, что “ближайшее участие” так и останется на обложке, следовательно на обложке оставаться не должно. Вот как бы я поступила, если бы не сознание, что сняв себя с обложки, несколько расстраиваю общий замысел (Ремизов — прозаик, Шестов — философ, я — поэт). В России бы Вы меня заменили. Здесь не Россия» [20, с. 318–319]. О предлагаемых Ремизовым названиях см. также: [24, p. 187; 15, с. 375].

Ремизов А.М. Фрагмент письма П.П. Сувчинскому от 23 февраля 1926 г.
с автопортретом.

Bibliothèque nationale de France

Remizov A.M. Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated February 23,
1926 with a self-portrait. Bibliothèque nationale de France

Как видим, Ремизов даже подготовил эскиз обложки, обозначив основной «костяк» издания. К имени Цветаевой, талант которой в это время пестовался обоими редакторами, он уже уверенно подставлял имя своего друга Льва Шестова⁵⁹. В конечном счете не без тактических усилий Ремизова был сотворен «материк» новой литературной эстетики, держащийся, по выражению Мирского, на «трех китах» — Ремизов–Цветаева–Шестов⁶⁰.

Вечерние разговоры с редакторами в квартире Ремизовых на авеню Мозар нередко продолжались в утренней переписке, раскрывающей живой интерес писателя к будущему изданию и его

⁵⁹ См. обсуждение вопросов по организации журнала с Л. Шестовым, которому Ремизов «гарантировал» привилегии: «...в этом журнале ты можешь писать как вздумается: с конца или из сер(е)дки» [12, с. 136]. См. также о «Верстах»: [12, с. 138–142].

⁶⁰ См. письмо Мирского от 9 марта 1926 г. [29, p. 51].

желание не только самому печататься в «Верстах», но и влиять на перспективный план журнала. Например, еще 12 февраля он писал Сувчинскому:

Дорогой Петр Петрович,
вчера оставили меня в раздумье.
<...> мне пришло в голову, если бы начать с первой книги «Орды» (вот, как скажешь, так и чувствуется, насколько Орда хорошо склоняется, Ясак хуже).
С первой же книги «Орды» начать регистрировать с краткой характеристикой книги Розанова, находящиеся в Париже.
Это надо поручить смышленому человеку.
Ну если бы этим вы занялись или
С<вятополк->Мирский <...>⁶¹

Таким образом, в дружеском общении с редакторами Ремизов взял на себя обязанности «старшего» консультанта, намечавшего темы публикаций, посвященных истории русской литературы. Буквально в эти две недели (между 8 и 25 февраля) положение писателя в кругу избранных «китов» современной эмигрантской литературы существенно укрепилось, потому что в Лондоне была достигнута договоренность о финансовой поддержке будущего журнала с двумя «ученицами» Ремизовых — Дж.Э. Харрисон и Х. Мирлиз⁶². Сообща ученые дамы перечислили на счет издания сумму, равную половине всех предполагаемых расходов, — 100 фунтов стерлингов. И, как писал Святополк-Мирский своему соредктору, «большая часть денег дана нам именно за Ремизова, из любви к нему»⁶³.

***

Задача укрепления национальной культуры (неделимой по политическим признакам), развивающейся в равноправном сосуществовании с европейской культурой, прочитывается в замыслах Мирского, который ко времени формирования редакционного портфеля занял в журнале ведущие позиции. Его первоначальные планы располагались исключительно в сфере литературного процесса, поэтому, во избежание корреляций с идеологией евразийского движения, было отклонено ремизовское предложение «татарского

⁶¹ FR BNF; письмо от 12 февраля 1926 г.

⁶² См. упоминание о них: [11, с. 21–22]. См. также: [26; 27].

⁶³ Письмо от 9 марта 1926 г. [29, с. 51].

имени» для журнала⁶⁴, в конечном счете названного по цветаевскому поэтическому сборнику «Версты» (1921). Выбор редакции подчеркивал идею преодоления дистанции между эмиграцией, Россией и Европой (во всех диспозициях этого треугольника).

Однако к голосу Ремизова редакторы продолжали прислушиваться, полагаясь на его интерес и чуткость к неизвестным талантам как в эмигрантской, так и в советской литературе. Разница взглядов состояла лишь в том, что вкусовые пристрастия Мирского явно склонялись в пользу последних, которые, по его оценкам, были значительно колоритнее и «живее» своих сверстников-эмигрантов; имена некоторых из них оказались на страницах «Верст» в результате рекомендаций писателя: «Действительно, — вторя Ремизову, убеждался Мирский, — надо новых, и молодых, и никому неизвестных. Мы и так Вам благодарны за Сельвинского, которого Вы нам открыли (да и Бабеля в свое время тоже)» [15, с. 378].

Взаимоотношения с Ремизовым, несмотря на укреплявшуюся в процессе создания первого номера «Верст» дружбу, полностью были подчинены концепции развития литературы, выработанной Мирским, в основе которой лежала мысль о новой России как колыбели новой культуры. В этом ракурсе не все новейшие произведения писателя были пригодны для формирования необходимого образа национальной литературы на страницах журнала. В частности, отдавая дань его таланту стилиста и археолога литературных источников, к ремизовской художественной прозе модернистского толка Мирский испытывал откровенное недоверие, а разнообразие его творческой палитры расценивал скорее негативно — как проявление нестабильности. Догадываясь о причинах скрытых конфликтов Ремизова с парижскими редакциями, которые в основном возникали из-за навязываемых писателю шаблонов читательского восприятия, редактор «Верст» опасался нежелательных отклонений от ожидаемой творческой траектории и не исключал, что «Ремизов может подложить свинью» [29, р. 51–52].

Щекотливый вопрос о согласовании редакционных задач с «неумеренностью» ремизовского таланта был разрешен благодаря условиям, поставленным лондонскими вкладчицами. История умалчивает, насколько Ремизов был в курсе их переговоров с редактором «Верст» в Лондоне, но мисс Харрисон, поддерживавшая с писателем

⁶⁴ Ср. письмо Мирского от 8 февраля 1926 г., касающегося будущего названия журнала, в частности предложений Ремизова (Орда / Ясак): «Между прочим, я все-таки не хотел бы давать журналу слишком подчеркнутый Евразийский характер. Поэтому лучше бы без татарского имени» [29, р. 45].

и его женой теплые отношения, совершенно отчетливо сформулировала собственную мотивацию помощи новому русскому журналу, иронически сожалая, что не в состоянии покрыть всю необходимую сумму (200 фунтов стерлингов):

Как было бы весело быть миллионером и финансировать действительно достойные вещи. Просто невыносимо, что такие люди, как Ремизов, должны зависеть от капризов и глупой политики людей менее значительных⁶⁵.

В результате достигнутых договоренностей в редакции будущих «Верст» была утверждена лучшая из привилегий, о которой писатель прежде мог только мечтать: «Одно из главных оснований нашего журнала, — декларативно утверждал Мирский в письме к соредактору, — освобождение его <Ремизова. — Е.О.> (и Шестова, М.Ц.) от редакторской цензуры» [29, р. 51].

Нельзя не признать успешным замысел редакторов, сумевших при подготовке первого номера отвлечь Ремизова от его авторской прагматики: опубликовать в «Верстах» не востребовавшийся издательствами роман «Ров львиный»⁶⁶. Взамен Сувчинский предложил ему исключительный по культурной значимости персональный «заказ» — создать новейший список «Жития пророка Аввакума». Пожалуй, на всем литературном пространстве эмиграции, да и советской России, не было другого художника, который бы смог, как Ремизов, справиться с научной подготовкой публикации, одновременно наполнив содержанием собственной творческой личности миметический в своей основе процесс переписывания [13, с. 68]. Опираясь на три печатных редакции, писатель, подобно древнерусскому мастеру-доброписцу⁶⁷, создал рукописный список основного текста этой первой в истории русской литературы автобиографии, в практическом делании открыв современному читателю духовный подвиг писателя позднего русского Средневековья.

В примечаниях к «Житию» Ремизов лаконично описал историю рукописи, которая в печатном виде представляла собой семидеся-

⁶⁵ Впервые: [28, р. 86]. Перевод приводится по: [15, с. 377].

⁶⁶ О негативном восприятии романа, который, по всей вероятности, ломал концепцию «смерти петербургской культуры», см.: [29, р. 51–52].

⁶⁷ Ср. из примечания Ремизова к «Житию», опубликованного в Приложении к журналу (с самостоятельной пагинацией): «Списки Жития делались еще при жизни Аввакума, и после издания Жития (1861 г.) московские доброписцы не раз трудились, списывая “добрым письмом”» (Версты. 1926. № 1. С. 73).

тистраничное Приложение к первому номеру «Верст», и в поддержке писцовой традиции⁶⁸ упомянул основного заказчика и датировку создания:

«Парижский» список сделан в 1926 г. по замыслу П.П. Сувчинского: 33 часа переписывал я «Житие», не только глазом следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву протопопа «всея России»⁶⁹.

Актуализация образа Аввакума в контексте эмигрантской литературы не вызвала вопросов у ценителей литературных шедевров, как например, у М.А. Осоргина, письмо которого мы приведем ниже. Однако даже сочувственные критики выразили недоумение по поводу этой редакционной «интриги». В частности, М. Слоним с позиций современника расценил публикацию «Жития» как «тайное стремление, сокрытое от непосвященных»⁷⁰. Толкование идеи Мирского–Сувчинского не сохранилось в документальном выражении, однако, с точки зрения редакционной политики «Верст», размещение «Жития» в первой книге журнала предполагало своего рода манифестацию национальной аксиологии, в системе которой личность и автобиография «огнепального» протопопа расценивалась как субстрат культуры, в частности, укоренивший специфически русское отношение к роли писателя в обществе⁷¹. Лично для Ремизова обращение к литературному наследию Аввакума послужило основанием для оригинальной концепции «русского лада»⁷² и ориентиром для формирования литературного «Я» в границах собственной автобиографической прозы. По крайней мере, на страницах первых «Верст», в очерке, посвященном

⁶⁸ См. об этом: [13].

⁶⁹ Версты. 1926. № 1. С. 73.

⁷⁰ Слоним М. Литературные отклики. (Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах») // Воля России. 1926. № 8/9. С. 102.

⁷¹ Ср. также высказывание Мирского: «На Аввакуме закаливали свой революционный героизм русские эс-эры» (*Святополк-Мирский Д., князь*. О нынешнем состоянии современной литературы // *Благонамеренный*. 1926. Кн. 1, янв.–февр. С. 93).

⁷² Наблюдения о природе «русского лада», отразившиеся в стилистической манере Аввакума, впервые прозвучали в рецензии Ремизова на перевод «Жития» Харрисон и Миррлиз (*The Life of the Archpriest Avvakum by Himself / Transl. from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees, with a Preface by Prince D.S. Mirsky. Publ. by Leonard and Virginia Woolf at The Hogarth Press, 52 Tavistock Square, London W.C. 1924*), опубликованной во второй книге журнала «Благонамеренный» (1926, март–апр. С. 164). О концепции в целом см. также: [13, s. 66].

В.В. Розанову, Ремизов продемонстрировал свой опыт погружения в аввакумовское «вяканье». Эту тенденцию к пересмотру эстетических канонов литературного языка распознал Г. Адамович, впоследствии один из постоянных ремизовских оппонентов. В рецензии на «Версты» критик писал:

Ремизов запальчиво отстаивает в послании к Розанову его, розановский, а заодно и свой, ремизовский стиль, т.е. разговорно-бессвязную, неупорядоченную речь в противоположность языку книжно-холодному, мертвенно-канцелярскому, ученому, «высокому». Интереснейший и сложный вопрос! Хотелось бы когда-нибудь «поднять перчатку», брошенную Ремизовым с усмешечкой, с лукавством, будто бы с благодушием, но на самом деле с гневом и раздражением, как отстаивают свое, самое дорогое⁷³.

В то же время «парижский» список возник pendant английскому переводу «Жития» Харрисон и Миррлиз. Британские лингвисты, посвящая лондонское издание супругам Ремизовым, и сами понимали, что «Аввакум заговорил по-английски»⁷⁴ в значительной степени благодаря усилиям писателя и Серафимы Павловны, открывшим для них исторический контекст и стилистическое своеобразие уникального памятника агиографии. Таким образом, «Версты» выступили в унисон с английским проектом, продвигая идею русского культурного потенциала, востребованного в Европе.

Содержание первого номера с очевидностью демонстрирует стратегию редакции выделить Ремизова на фоне писателей старшего поколения как выразителя квинтэссенции русской национальной культуры, избранного новой литературной генерацией. Три объемных ремизовских публикации представляли собой развитие устойчивых локусов его творчества — словесную археологию (житие Аввакума, грамота XVII в. в очерке «Россия»), феномен личности В.В. Розанова (очерк «Воистину», написанный к 70-й годовщине со дня рождения философа) и цикл византийских легенд «Из книги о Николае Чудотворце», адаптированных к реалиям современной советской и русской зарубежной жизни.

⁷³ Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. № 186, 22 авг. С. 1–2. Цит. по: [1, с. 56–57].

⁷⁴ Цитата из очерка Ремизова «Аввакум. 1920–1682» (впервые: Последние новости. 1939. № 6548, 2 марта. С. 3; см. также: [14, т. 14, с. 268].

А.М. Ремизов. Фото П. Шумова. 1926.

Опубл.: Версты. № 1. С. 84.

A.M. Remizov. Photo by P. Shumov.

1926. Publ.: Versty, no. 1, p. 84.

В начале июня 1926 г. тираж журнала вышел из типографии. Мирский спешил воздать Ремизову дань благодарности:

Дорогой Алексей Михайлович,

Сейчас получил *Версты*, и мне хочется Вам написать о том, в какой мере мы Вам обязаны — тем, что они окажутся лучшей русской книгой последнего времени. Как хорошо это именно из Ваших рук получение Аввакума и что именно Вы напоминаете о Розанове. А Николай чудотворец, мне кажется, вещь совершенно огромная, даже для Вас [15, с. 381].

***

Успешный дебют журнала был приветственно встречен многими корреспондентами Ремизова. Историограф «обезьяньей палаты» С.Я. Осипов, состоявший на службе в советском полпредстве в Германии, обнаружил явное влияние ремизовской игровой «политики»:

Версты уже пробежал. Очень содержательны и интересны. Это несомненно версты ближайшего пути в Россию. И почти вся редакция и главные сотрудники — обезвельволпал!⁷⁵

Одним из первых среди парижских литераторов на «Версты» откликнулся М.А. Осоргин, известный своей независимой позицией, противопоставленной «эмигрантскому хору»⁷⁶. В письме от 6 августа он пронизательно угадал один из основных мотивов появления нового журнала:

⁷⁵ Amherst. Series 1. B. 4. F. 6.

⁷⁶ *Вишняк М.В.* Современные Записки: воспоминания редактора. Indiana University Publications Graduate School, 1957. С. 197.

Вот, Алексей Михайлович, читаю я «Версты» и должен сказать — с удовольствием. Как раз всё то, что никак не уместить в «Современных Записках». Очень интересно.

С особым удовольствием прочел «Житие протопопа Аввакума»...⁷⁷

В это время над Парижем уже закручивался «смерч» критических возмущений. Ремизов в письме Шестову кратко охарактеризовал настроения в литературных кругах, обозначив противостояние по политическим партиям — между кадетами и левыми эсерами: «На “Версты” нападают. “Дни” взъерошились. Но “Воля России” за» [12, с. 161]. Напечатанная в «Днях» статья Н. Макеева «Эмигрантский снобизм»⁷⁸ на самом деле послужила первой «ракетой», подавшей сигнал к бою. Несмотря на скептический настрой, автору не удалось умалить производивший впечатление потенциал журнала, который претендовал «обосновать новое общественно-политическое течение» в эмиграции. Впрочем, никто из «ближайших участников» литературного журнала и не сомневался, что ввиду запальчивых выступлений Мирского художественные особенности произведений, собранных на страницах нового издания, будут оцениваться критикой исключительно с точки зрения идеологии и политики. Однако довольно неожиданно эстетизированный литературный бомонд, представленный именами И.А. Бунина, З.Н. Гиппиус, В.Ф. Ходасевича и Вл. Злобина, воспользовался в характеристиках литературного конкурента стилем и аргументацией, обычно присущей скандальной хронике бульварной прессы⁷⁹. Началась расправа, опиравшаяся на авторитарность мнений как основной принцип литературных взаимоотношений парижской творческой эмиграции. Имя Ремизова, еще в 1922 г. написавшего о своей «школе» литературных преемников в России⁸⁰, принялись склонять с особым пристрастием.

Очень скоро в «Крестовом походе против “Верст”»⁸¹ были использованы силы парижской молодежи, до сего момента удостоен-

⁷⁷ Amherst. Series 1. В. 4. F. 6. Письмо также содержит библиографические дополнения к изданиям «Жития».

⁷⁸ Дни (Париж). 1926. № 1072, 5 авг. С. 2–3.

⁷⁹ Подробную реконструкцию хода дискуссии и публикацию фрагментов статей, рецензий, направленных против «Верст», см. в статье и комментариях Р. Хьюза: [15, с. 359–389].

⁸⁰ См.: Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская [14, т. 7, с. 19–25].

⁸¹ Выражение М. Слонима из его статьи «Литературные отклики. (Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О “Верстах”»)» (Воля России. 1926. № 8/9. С. 90).

ной лишь благосклонного разрешения исполнять функцию «свиты» признанных авторитетов. Теперь, когда стало очевидным, что вокруг Ремизова сформировался хоть и небольшой, но активный оппозиционный по эстетическим и политическим взглядам круг литераторов, возникла необходимость в формировании противодействующей молодежной коалиции. Летом Общество молодых писателей и поэтов учредило свой первый журнал. Название «Новый Дом» отражало мировоззрение поколения, стремившегося преодолеть чувство изгнанничества, сохранив национальные корни и приняв европейскую культуру как часть своей жизни⁸². Берберова, один из редакторов нового издания, взяла на себя миссию обеспечить преемственную связь с корифеями и пригласила к сотрудничеству Мережковских. Ответная реакция была крайне благожелательной. Гиппиус в переписке с начинающим редактором даже приняла сторону, по ее выражению, «мальчиков и девочек», раскритиковав консервативную политику редакции «Современных записок» по отношению к творчеству молодежи, похвалила их настрой на идеологическую определенность и скоро, приняв на себя обязанности опытного наставника, занялась организацией редакционного портфеля [3, р. 3–10].

В октябре вышел первый номер «Нового Дома», содержательная доминанта которого, при искусной расстановке сил, пришлась отнюдь не на творчество молодых, а на статью признанного мэтра литературы — Антона Крайнего, опубликованную под многозначительным названием «Прописи». Здесь зазвучал учительный тон напутствий молодежи, позвавшей старших, выработать общую идеологическую платформу новой эмигрантской литературы. Используя тезис редакционной заметки — «Пора литературе и критике вновь стать идейными...», Гиппиус объявила идеологию основой литературного бытия и виртуозно срежиссировала «преемственность идей», востребованную «Новым Домом» на пути к обретению утраченного «искусства духа»⁸³. Острая «идейная» критика была изготовлена секретарем Мережковских Вл. Злобиным, который, еще только сообщая о согласии всех троих принять участие в новом издательском проекте,

⁸² Ср. редакционную заметку: «Пора литературе и критике вновь стать идейными, отбросив как нигилизм, так и эстетизм. На этих основаниях и строится “Новый Дом”. <...> Живя на чужбине и не забывая России, мы, однако, не тоскуем по ее “березкам” и “ручейкам”. Она с нами, в нас самих, — поскольку ее язык, ее литература, ее культура навсегда унесены нами и живы в нас, где бы мы ни были. Но и Европа — старая сокровищница мировой духовности, дорога нам» (Новый Дом. 1926. № 1. [С. 2]).

⁸³ Ср. редакционную заметку: «Основанный молодыми силами, он зовет всех, кто хочет вернуться к подлинному искусству духа: в единении поколений возникает непрерывная преемственность идей» (Новый дом. 1926. № 1. [С. 2]).

обрисовал, отвечая Берберовой на приглашение, якобы собственные представления о задачах молодежного периодического органа: «На этих днях я как раз говорил Мережковским о необходимости <...> издавать листок хотя бы на гектографе, где бы можно было отводить душу и не стесняясь высказываться о Святополках и прочей дряни, с таким упоением разлагающейся у всех на глазах»⁸⁴.

Таким образом, исподволь, под давлением авторитетных руководителей литературное направление будущего издания было переориентировано на политическое и задана риторика откровенной ненависти к оппонентам. Характерно, что роль Ремизова как тайного и явного соратника «евразийцев» подверглась в злобинском дивертисменте, исполненном «по нотам» Мережковских, особо пристрастному рассмотрению⁸⁵. Если в статье «Мертвый дух» Гиппиус, начавшая кампанию против «Святополка Окаянного»⁸⁶, уже заподозрила Ремизова в «двойной игре», то теперь Злобин, по сути, объявил писателя *persona non grata* эмигрантской антисоветской печати. Упомянув высказывания из предшествующих критических выступлений о связи «Верст» «с растлителями России», молодой критик с прилежностью ученика обозначил поставленные перед ним цели и задачи «творческого» задания. Одна из них, едва ли не основная, состояла в разоблачении эстетических оксюморонов Ремизова:

Остается только одно — рассмотреть, в чем эта связь выразилась наиболее ярко, какое разлагающее начало соединяет «Версты» с той «Россией», на которую они так пристально устремили взор. Но сперва несколько слов о Ремизове. На нем всего яснее видно, как старательно приспособливают себя «Версты» для обращения в С.С.С.Р. <...>, с каким знанием выбирают они материал⁸⁷.

Далее следовал тенденциозный анализ легенд о Николае Чудотворце, в котором ремизовская контаминация историзмов византийского мира и реалий советского быта интерпретировалась

⁸⁴ Цит. по: [6, с. 133].

⁸⁵ Личное знакомство Злобина с Ремизовыми по рекомендации Гиппиус состоялось в 1922 г. в Берлине. В американском архиве Ремизовых сохранилось его письмо к Серафиме Павловне, написанное в самом доверительном тоне (Amherst. Series 2. B. 20. F. 2).

⁸⁶ Ср. письмо Мережковского Ходасевичу как редактору газеты «Дни», поддержавшей борьбу против «Верст» и, в частности, ответившей на выступления Святополк-Мирского против авторов «Современных записок»: «...очень благодарю Вас и “Дни” за прекрасную статью М.О. Цетлина о “Верстах”, где они меня защитили от Святополка Окаянного» [6, с. 131].

⁸⁷ Злобин Вл. «Версты» // Новый Дом. 1926. № 1. С. 35.

как намеренная адаптация, «приспособленная» к менталитету советского читателя. В издательских эзексисах, направленных на унижение творческой личности Ремизова, Злобин даже превзошел своих предшественников и наставников — Бунина и Гиппиус.

Рецензия, помещенная в библиографическом разделе журнала «Новый Дом», вызвала раскол в Обществе молодых писателей и поэтов. На вечере, состоявшемся предположительно около 10 ноября, В.Л. Андреев и Б.В. Сосинский как члены объединения, печатным органом которого являлся новый журнал, инициировали обсуждение этической позиции редколлегии, допустившей оскорбительные высказывания в адрес двух авторов «Верст» — Марины Цветаевой и Алексея Ремизова⁸⁸. По выражению Гиппиус, «скандал молодых большевикантов»⁸⁹ имел продолжение и в уличной драке Сосинского с Ю.К. Терапиано, и в дуэли с ним же в защиту чести Цветаевой. Тогда же В. Диксон, не смирившись с публичным унижением Ремизова, объявил о желании вызвать на дуэль автора скандальной статьи. По косвенным источникам, С.П. Ремизова-Довгелло отговорила поэта от столь решительных действий⁹⁰, так что протест друзей писателя в наиболее завершеном виде запечатлелся в печатном выступлении Сосинского на страницах ноябрьского номера журнала «Воля России»⁹¹. В своей рецензии на новое издание он, по сути, обвинил молодежную редакцию в незрелости этических принципов и несамостоятельности литературных и политических взглядов. Как он заметил, первая, заглавная страница «Нового Дома» «принадлежит писателям младшего поколения, а почти все остальные — писателям старшего поколения», которые, «взяв своим благородным щитом политику, факты и фактики друг о друге <...> в своих разоблачениях выходили далеко за пределы — и литературы и литературности»⁹².

⁸⁸ Подробный отчет об этом заседании см. в заметке: В.Н. Среди молодых поэтов // Дни. 1926. № 1156, 11 нояб. С. 1; републ.: [15, с. 383–384].

⁸⁹ См. также реакцию Гиппиус на скандал в Обществе и заметку в «Днях»: [3, р. 13].

⁹⁰ Ср. письмо Гиппиус к Ремизовой-Довгелло от 14 октября 1930 г., в котором содержится реакция на несохранившееся письмо Серафимы Павловны и обстоятельства скандальной истории лета 1926 г. (упомянутый Диксон скорострительно скончался в 1929 г.): «Диксона я не знала, но стихи его помню, он был талантливый. Вы правы, что уговорили его не драться, зачем, что это доказывает? Очень возможно, что Злобин был неправ относительно А.М., но он бы и признал это, если б Диксон сказал, что он ошибается. В том журнальчике у нас была полная свобода мнений...» [25, с. 180].

⁹¹ См.: [16, с. 121–125].

⁹² *Сосинский Б.* Новый дом. Литературный журнал под редакцией Н. Берберовой, Д. Кнута, Ю. Терапиано и В. Фохта. № 1. Париж, 1926 // Воля России. 1926. № 11. С. 187–188.

Оставаясь не только поклонником таланта Ремизова, но и его литературным учеником, Сосинский встал на защиту писателя от профессиональной невежественности редколлегии журнала и лично Злобина, цитатами проиллюстрировав низкопробные критические приемы и прямые случаи этической неряшливости. Несомненно, статья молодого поборника литературных нравов была спроецирована на всю историю гонений, включая статью Гиппиус о «Благонамеренном», в которой молодой редактор этого журнала уничижительно именовался «маленький Шаховской». Не случайно Сосинский вспомнил этот неуместный в публичной дискуссии эпитет:

«Новый дом», такой маленький по своему значению, сумел совершить огромное преступление. (Не все же преступники — великие люди). И не одно, а несколько:

Алексей Ремизов в «Николае Чудотворце», используя прием параллелизма — той эпохи злодеяний и нашей, — употребляет новые слова: «продналог», «взять на учет», «реквизировать» и т.д. «Новый дом» называет это «приспосабливанием для обращения в СССР». Преднамеренная лживость или абсолютная неспособность к чтению. Наличие этих качеств не позволяет прикасаться к литературе.

<...> вслед за этим «Новый дом» печатает фразу, по цинизму и кощунству редкую даже на задворках печати. Имена Розанова и Ремизова много говорят каждому. А вот что о них говорит «Новый дом»: «...Ремизов с некрофильским влечением к Розанову, с которым он, воистину, как с мертвым телом делает, что хочет»⁹³.

Угар враждебности, распространившийся в результате каскада разгромных статей, направленных на «Версты», приобрел в эмигрантской литературной жизни опасную концентрацию. В противовес деятельности «кукловодов» и отдельных молодых бунтарей, вступивших в схватку под разными знаменами, старшие — второстепенные участники скандала — смогли подать пример политической толерантности и эстетической лояльности. Улаживать конфликт пришлось мудрейшему из мудрых — Льву Шестову, имя которого как участника «Верст» упоминалось в критике, однако, в отличие от Ремизова, осталось неприкосновенным. Старинный друг писателя сумел создать условия для переговоров между редактором «Верст» Сувчинским и редактором «Современных записок» Фондаминским, признавшим от лица других редакторов ошибочность публикации

---

⁹³ Там же.

статьи другого непримиримого оппонента «евразийцев», Вл. Ходасевича, в которой все участники «Верст» были обвинены в сочувствии большевистскому режиму, направленному, в частности, на насильственное подавление свободного творчества литераторов в России⁹⁴. Несомненно, именно этот тезис задел Ремизова более, чем почерпнутые на одесском Привозе присказки Бунина⁹⁵, сильнее, чем тактика Гиппиус, натравившей на него своих молодых воспитанников⁹⁶, и стал причиной серьезных переживаний.

Литературно-политические события второй половины 1926 г. не только нанесли травмы писательскому достоинству Ремизова, но и сказались на узком дружеском круге Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, которая, судя по косвенным подтверждениям, после выхода в свет «Нового дома» выступила в защиту мужа, написав гневное письмо своей давней подруге З.Н. Гиппиус⁹⁷. Письмо не сохранилось, но не сказать чтобы равнодушную реакцию на него мы находим в переписке Гиппиус с основным участником развернувшихся батальных сражений — В.Ф. Ходасевичем. Ироническое описание разрыва с Серафимой Павловной читаем в ее письме от 11 ноября 1926 г.:

...я «пострадала», и, как я соображаю, на 80% из-за вас. Вы не знаете (а, мож. б., и знаете), что Сер. П. Ремизова «обожала» меня 22 года. Ничто не могло поколебать ее, и нигде. Первая трещина была — после моей сочувственной статьи о вас, первой⁹⁸. Но я тогда просто сказала, что таково мое литературное мнение, лично же вас я никогда не видывала в глаза, не знаю — увижу ли, а тем, что говорят о вас — не интересуюсь, ибо не могу судить, что правда, что неправда. Затем прошло много времени. С весны было всего: и моя статья о Благ., и моя статья о Верстах. И даже Новый Дом

⁹⁴ Ходасевич В. О «Верстах» // *Современные записки*. 1926. Кн. 29. С. 438–439.

⁹⁵ Ср.: «А уж про Ремизова и Цветаеву и говорить нечего: тут любой дурачок на пятак угадает, что именно дал в сотый, сто тысячный раз, Ремизов насчет Николая Чудотворца и Розанова и чем опять блеснула Цветаева...» (*Бунин Ив.* «Версть» // *Возрождение*. 1926. № 429, 5 авг. С. 3).

⁹⁶ Ср.: «Никто не будет отрицать, что в таланте Ремизова и раньше замечалось больше тяготения к звериному, нежели к человеческому...» (*Антон Крайний*. О «Верстах» и прочем // *Последние новости*. 1926. № 1970, 14 авг. С. 3).

⁹⁷ В готовящейся к публикации переписке корреспонденток письмо Гиппиус к Ремизову от 20 января (по поводу состояния здоровья Серафимы Павловны) единственное, относящееся к 1926 г. (ГЛМ). Письмо не учтено в публикации фрагментов этого эпистолярия: [25].

⁹⁸ *Антон Крайний*. «Современные записки». Кн. XXIX // *Последние новости*. 1926. № 2059, 11 нояб. С. 3.

с Володей⁹⁹. И всё ничего. Но вот еще мое печатное замечание о вас и Верстах, затем перфидная заметка Дней о скандале большевицких «молодцов» (чуть не в один день!)¹⁰⁰ — и записка многолетней моей обожательницы: «Заявляю, что не подам вам руки». И точка. Убила. Она — может!¹⁰¹ [3, p, 74]

О том, как удалось призвать редакторов «Современных записок» отказаться от круговой поруки идеологических преследований инакомыслящих, Шестов рассказал супругам Ремизовым в письме от 30 ноября:

Leon Shestov / Л.И. Шестов. Рис. А.М. Ремизова. 1926. Опубл.: Своими путями. 1926. № 12/13. С. 3,

вместе с очерком «Лев Шестов: 1866–1926 (шестидесятилетие)»

Leon Shestov / L.I. Shestov. Drawing by A.M. Remizov. 1926. Publ.: Svoimi putyami, no. 12/13, 1926, p. 3,

with the essay “Lev Shestov: 1866–1926 (60th Anniversary)”

⁹⁹ Речь идет о статье Злобина (см. примеч. 87).

¹⁰⁰ См. примеч. 88.

¹⁰¹ Подразумевается категоричность Ремизовой-Довгелло, сохранившаяся с революционной молодости, которая была отмечена руководителями левых эсеров как ценное качество для привлечения ее в экстремистское крыло партии. Ср. воспоминания Ремизова о юности его супруги: «...на С.П. смотрели, как на Софию Перовскую: она и вправду, не дрогнула б с бомбой в руке» [9, с. 156]. Подробнее об истории взаимоотношений Ремизовой с Гиппиус см.: [14, т. 15, с. 628–634].

Дорогие Серафима Павловна
и Алексей Михайлович!

Вчера был у меня Ф<ондаминский> — вовремя его вызвал, он сегодня уезжает. Разговаривали обо всем — и, кажется, всё уладится. Сейчас у них с С<увчинским> идут разговоры о напечатании писем; сойдутся они или не сойдутся на этот счет — еще неизвестно, но *во всяком* случае, если не сойдутся, всё равно в ближайшем номере будет редакционная заметка, составленная в том смысле, что всё одиозное (насчет большев<иков>, погромов и т.д.) в статье Ходасевича будет объявлено как досадное недоразумение. Так что, в этом отношении, очевидно, всё будет улажено и тревожиться не о чем.

Что же до статьи З<лобина> — то, само собой разумеется, реагировать на нее никак нельзя: ни З<лобин>, ни его статья этого не стоят. И никто — по крайней мере в литературных кругах — кроме тех, кому хочется сражаться, ей никакого значения не придают.

Всего вам доброго,
Ваш ЛШ¹⁰²

Абсурдность нападений на Ремизова и Цветаеву заставила публично выступить в их защиту другого представителя молодежного крыла литературного Парижа — Глеба Струве, который в связи с неудачным дебютом «Нового Дома» стремился описать не политические, а творческие тенденции современной литературы:

Новый журнал уже успел нажить себе литературных врагов, успел взбаламутить литературное болото. Некоторых молодых сотрудников его можно упрекнуть в чрезмерном полемическом задоре. Критиками-друзьями уже была отмечена грубость выпадов против А. Ремизова и М. Цветаевой. Я бы сказал, что эти выпады не только грубы, но и беспредметны, поскольку они направлены лично против

¹⁰² Amherst. Series 1. B. 21. F. 5. В первом номере «Современных записок» за 1927 г. (Кн. 30) было опубликовано письмо в редакцию А. Лурье с протестом, адресованным Ходасевичу, в статье против «Верст» высказавшему ряд оскорбительных оценок (в частности обвинение в антисемитизме) в адрес композитора, опубликовавшего статью «Два ренессанса» в первом номере журнала. Как писал Лурье, его «отношение к редакции “Верст” определяется не чем иным, как общим моральным сочувствием направлению журнала и обычным сотрудничеством по предложению редакции» (С. 599). Здесь же было помещено заявление редколлегии: «Давая место настоящему письму редакции “Верст”, редакция “Современных Записок” заявляет, что она против журнала “Версты” никаких обвинений специфического, указываемого в письме, характера не поддерживала и не поддерживает. Редакция “Современных Записок” не может, однако, не видеть в отдельных высказываниях, имевших место в № 1 “Верст”, проявления того упадочно-примиренческого отношения к большевикам, идейную борьбу с которыми наш журнал считает и своим литературным правом, и своим общественным долгом» (Там же).

двух несомненно крупных, высокоталантливых писателей, которые уже вошли в русскую литературу и останутся в ней. Бороться надо не с Ремизовым и Цветаевой, а с «цветаевщиной» и «ремизовщиной», с худшими сторонами и того и другого, возводимыми в школу¹⁰³.

По справедливому наблюдению ремизовского благородного защитника Бронислава Сосинского, с тех пор как русская литература раскололась на зарубежную и советскую, началась «неслыханная в литературе бойня», в которой политика вытеснила эстетические и нравственные ценности. Этот «театр военных действий», развернутый литераторами старшего поколения, не затрагивал жизненных интересов молодежи. Нина Берберова впоследствии вспоминала свой опыт редактора:

«Новый дом» оказался нам не под силу: Мережковские, которых мы позвали туда (был позван, конечно, и Бунин), сейчас же задавили нас сведением литературных и политических счетов с Ремизовым и Цветаевой, и журнал очень скоро перешел в их руки под новым названием («Новый корабль») [2, с. 264].

В 1931 г. Берберова, следуя личным мотивам, написала Ремизову письмо, в котором она, осознававшая литературный процесс как часть своей биографии, вернулась к событиям, залегшим в памяти тяжелым осадком, чтобы подтвердить ценность нравственного урока, извлеченного ею из истории, связанной с травлей писателя:

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

П.М. Костанов передаст Вам это мое письмо, цель которого распутать один узел, навязанный мне пять лет тому назад.

О Вас в журнале, кот<орый> я (в числе 4 других литераторов) редактировала, появилась рецензия, за грубый тон которой, а также бессовестное ее содержание позвольте, хотя бы с опозданием, принести Вам мои извинения. Я не могу оправдываться перед Вами в том, что было сделано — ответственность за напечатание этой рецензии я несу и буду продолжать нести, — но я должна сказать Вам, что помещена она была потому, что в противном случае ушли бы из журнала не только автор ее, но и два других сотрудника, которых я в то время считала людьми высокой честности и бескорыстия. Этот уход должен был повлечь за собой гибель журнала, которая мне тогда,

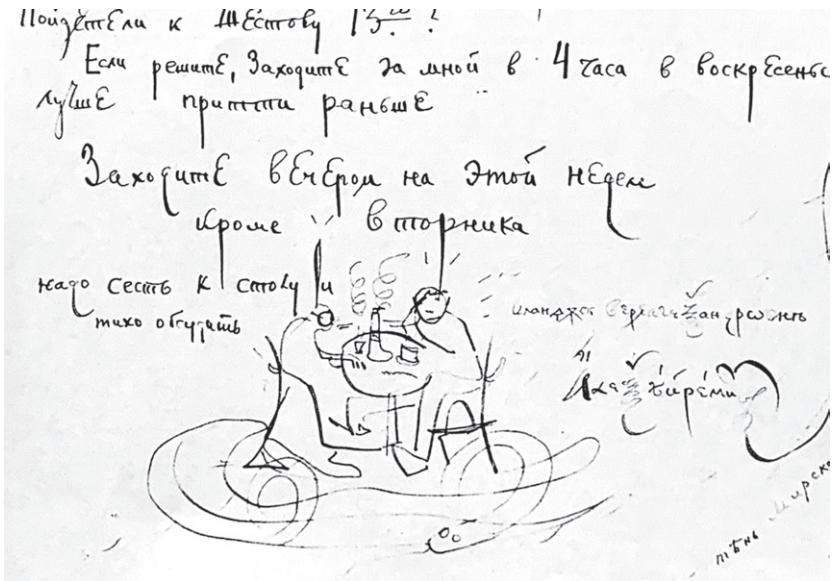
¹⁰³ Струве Г.П. Литературные «реакционеры» // Возрождение. 1926. № 541, 25 нояб. С. 3.

по молодости и непростительной глупости, казалась в<ещью-?>¹⁰⁴ более страшной, чем то, что было сделано — оскорблением <sic!> Вас. Могу заверить Вас, что 2 из моих соредкторов (Терапиано и Кнут) также смотрят на всё это, как и я, и также не отказываются от ответственности и не боятся ее.

Прошу Вас показать это письмо Серафиме Павловне и передать от меня поклон и уважение.

НБерберова¹⁰⁵

***

А. Ремизов. Фрагмент письма П.П. Сувчинскому от 2 февраля 1927 г. с подписью: «надо сесть к столу и тихо обсудить». Bibliothèque nationale de France

Remizov. Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated February 2, 1927 with an inscription:

“We should sit down to table and discuss calmly.” Bibliothèque nationale de France

Сотрудничество Ремизова с «Верстами» довольно быстро потеряло актуальность для каждой их сторон. Одной из причин

¹⁰⁴ Утрата фрагмента текста.

¹⁰⁵ Amherst. Series 1. B. 6. F. 8.

взаимного охлаждения стали противоречия Мирского и Ремизова в отношении к парижской молодежи. Ремизов вновь оказался между молотом политических установок и наковальной идеологической тенденциозности. Если Гиппиус не признавала советских, то Мирский раздражался на желание Ремизова привлечь к сотрудничеству в «Благонамеренном» и «Верстах» молодых парижан. В 1927 г. это противоречие дошло до конфликтной стадии, которая упоминалась в письме Мирского от 19 февраля 1927 г. [29, р. 74–75]. Писатель, несомненно, напомнил редактору, какую принципиальную и благородную поддержку редакции «Верст» оказали его литературные протезы в схватках с «Новым Домом». Ответная реакция Мирского, высказанная в переписке с Сувчинским, была цинической: «Если они дерутся за нас, это их частное дело — услужливый дурак опаснее врага. Но ведь вся наша позиция как раз, что эмигрантская молодежь импотентна, не так ли?» [29, р. 75]

Насколько твердую позицию Ремизов занял в своем отношении к творчеству молодежи, подтверждает заявление писателя, сделанное в печати в 1931 г. Отвечая на анкету «Новой газеты», предложившей тему «Самое значительное произведение русской литературы последнего десятилетия», он, несомненно, мысленно обращаясь к истории своего участия в журналах «Благонамеренный» и «Версты», вместо установленного редакцией временного диапазона, составил отзыв о прошедшем пятилетии:

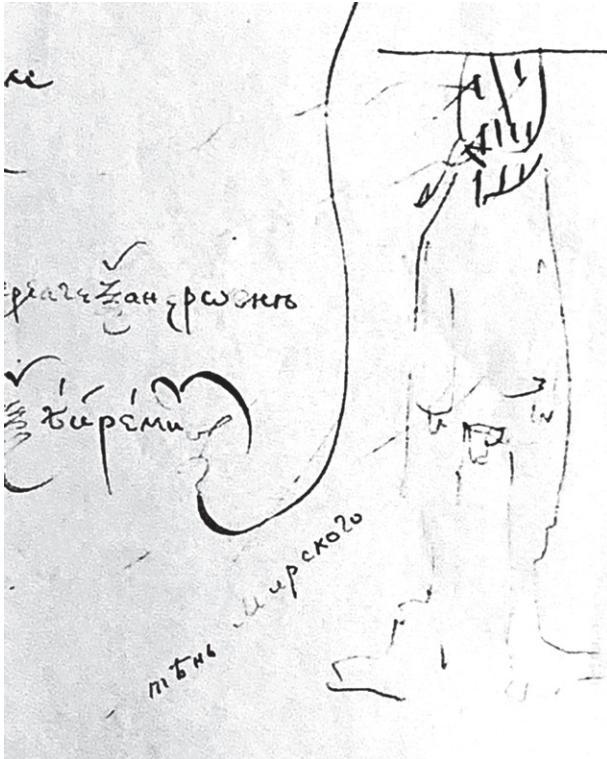
Самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы я считаю появление молодых писателей с западной закваской. Такое явление могло произойти только за границей: традиция передается не из вторых рук, а непосредственно через язык и памятники литературы в оригинале. Для русской литературы это будет иметь большое значение, если только молодые русские писатели сумеют остаться русскими, а не запишут в один прекрасный день по-французски и канут в тысячах французской литературы¹⁰⁶.

«Художественным» отражением перемены в отношениях с главным редактором «Верст», очевидно, является рисунок Ремизова из его письма Сувчинскому от 7 февраля 1927 г., на котором изображены их совместные посиделки на авеню Мозар — в клубах папиросного дыма (на столе графин)¹⁰⁷. Слева от этой композиции подпись: «надо

¹⁰⁶ Новая газета. 1931. № 3, 1 апр. С. 1. См. также: [14, т. 14, с. 235].

¹⁰⁷ С П.П. Сувчинским сохранялся постоянный дружеский контакт вплоть до 1955 г., когда Ремизов, потерявший зрение, едва писал самостоятельно.

сесть к столу и тихо обсудить», а справа — отграниченная волнистой линией мужская фигура в полный рост с натуралистично выписанным «мужским достоинством» и подписью: «тень Мирского»¹⁰⁸.

А. Ремизов. «Тень Мирского». Фрагмент письма П.П. Сувчинскому
от 2 февраля 1927 г.
Bibliothèque nationale de France

A. Remizov. "Mirsky's Shadow." Fragment of the letter to P.P. Suvchinsky dated
February 2, 1927. Bibliothèque nationale de France

Появление в 1926 г. двух журналов с активным участием Ремизова, несмотря на пережитые писателем личные потрясения, а также разрыв отношений с З.Н. Гиппиус, всё же сыграло определенно положительную роль в истории эмигрантской литературы. Застой-

¹⁰⁸ Bibliothèque nationale de France.

ная атмосфера «литературного болота» была нарушена приходом молодой литературной смены, значительно активизировавшейся после дебютов «Благонамеренного» и «Верст». Не являясь идейным лидером, писатель стал ключевой фигурой в проектах новых участников литературной жизни, конкурентоспособных по отношению к авторитетным органам печати. Эмигрантская молодежь наконец обратила на себя внимание старших, которым также пришлось пересмотреть свои взгляды на модус творческого бытия в изгнании. В конце 1926 г. по инициативе Мережковских было учреждено общество «Зеленая лампа» — объединение двух поколений, поставившее во главу угла задачи современной литературы и проблему целостности национальной культуры, то есть во многом те узловые мотивы, которые послужили основой для возникновения журналов Шаховского и Мирского–Сувчинского. Жизнь эмигранта-литератора стала приобретать новое наполнение, однако эти перемены, разумеется, не привели к изменению убеждений оппонентов, тем более что «Версты», ставшие поводом для большой литературной войны, действительно, с течением времени переродились в журнал просоветской политической направленности.

Спустя четыре года Гиппиус в «примирительном» письме к жене Ремизова первым делом вернулась к истории 1926 г.:

16 Сент<ября> <19>30

Villa Tranquille

La Cannel (A. M.)

Милая Серафима Павловна.

Вы пишете о «нашем» примирении. Но я с вами и не ссорилась, я никогда не ссорюсь с моими настоящими друзьями. <...> Вы, помнится, рассердились на меня за упреки А<лексею> М<ихайлови>чу, что он участвует в полу-больш<евецком> издании «Версты». Но, милая Серафима Павловна, я не хочу скрывать, что соединись сейчас А<лексей> М<ихайлович> с Верстами (кстати, даже не «полу», а почти совсем б<ольшеве>цкими они оказались) — я опять бы то же сказала. Но не «поссорилась» бы от этого, — я, — ни с А<лексе-ем> М<ихайловичем>, ни тем менее — с вами. Ибо вас-то я «знаю», да и А<лексея> М<ихайловича> тоже немножко «понимаю». <...>¹⁰⁹

Творческая биография Ремизова в течение ближайшего пятилетия обнаруживает далеко не равнодушное отношение писателя

¹⁰⁹ Обсуждение ситуации разрыва продолжилось и в следующих письмах конца сентября-первой декады октября 1930 г. См. фрагменты: [25, s. 176–181].

к истории литературы и собственной роли в ее событиях. Начатая им в 1926 г. «подпольная» деятельность, направленная на «местоблюстителей» парижской печати, была шире, чем об этом догадывались его оппоненты, и в реальности развивалась по вектору трансформации канонов эстетики.

(Продолжение следует.)

Список литературы

1. *Адамович Г.* Собр. соч. Литературные беседы. Кн. 2: «Звено». 1926–1928 / вступ. ст., сост., примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. 596 с.
2. *Берберова Н.Н.* Курсив мой: автобиография / под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 526 с.
3. *Гиттиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiberger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
4. *Грачева А.М.* Литературные мистификации А.М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199.
5. *Зайцев Б.* На Афон / вступ. ст. А.К. Клементьева. М.: Индрик, 2013. 414 с.
6. Из переписки В.Ф. Ходасевича с Мережковскими / вступ. ст., публ. и коммент Н.А. Богомолова // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 115–147.
7. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
8. *Лавров А.В.* «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А.М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 229–232.
9. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // *Eugora Orientalis*. 1985. IV. P. 149–190.
10. *Обатнина Е.Р.* Избранные страницы из альбома А.М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // Русская литература. 2020. № 3. С. 208–217.
11. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925 // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 8–44.
12. Переписка Л.И. Шестова с А.М. Ремизовым / подгот. текста и примеч. И.Ф. Даниловой и А.А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 2. С. 136–185.
13. *Поляков Ф.* Алексей Ремизов и Житие протопопа Аввакума: воссоздание текста культуры в эмиграции // *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann* / S.K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov (Hrsg.). München, 2001. S. 64–71.
14. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Ростов, 2000–2003, 2015–.
15. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.
16. *Сосинский В.Б.* Рассказы и публицистика. М.: Профиздат, 2002. 430 с.
17. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании / сост. и вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. М.; Париж; Русский путь; YMCA-Press, 1996. 446 с.
18. *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.

19. *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927) / сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступ. ст. Р. Хьюза. М.: Русский путь, 2010. 720 с.
20. *Цветаева М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Письма / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. 800 с.
21. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. Алешковского. М.: Книга, 1991. 319 с.
22. *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. 538 с.
23. *Шевеленко И.* Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 464 с.
24. *Kliukine J., Kozovoï V., Mnoukhine L.* Письма М.И. Цветаевой из архива П.П. Сувчинского // *Revue des études slaves*. 1992. Т. 64. Fasc. 2. P. 183–221.
25. *Lampl H.* Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd. I. S. 155–194.
26. *Robinson A.* The Life and Work of Jane Ellen Harrison. Oxford, 2002. 360 p.
27. *Smith A.* Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s // *A people passing rude: British responses to Russian culture* / Ed. by A. Cross. Cambridge, 2012. P. 175–188.
28. *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven letters to D.S. Mirsky // *Oxford Slavonic Papers (New Series)*. 1995. Vol. 28. P. 62–97.
29. *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26). 238 p.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2020

Одобрена после рецензирования: 19.03.2020

Дата публикации: 25.09.2020

Research Article

Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. "Aesthete-Degenerate"

© 2020, Elena R. Obatnina

Acknowledgement: The publication was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no 18-012-00035.

Abstract: The biographical essay is dedicated to the literary situation with Alexei Remizov in 1926 connected with his activities for the new journals — *Blagonamerenny* and *Versty*. Based on previously unknown materials from Remizov's personal archive, correspondence and memoirs of his contemporaries involved in the events, the paper interprets Remizov's position as an active participant of literary process. The paper describes the writer's creative tasks that were realized in the above-mentioned periodicals, and his mission as a promoter of young talents in Soviet Russia and in emigration. Detailed analysis of the critical articles that accused the editors of both journals as well as their co-worker Remizov of destroying the Russian literary diaspora ideological integrity and aesthetic canons, allows to define the main contradictions in the émigré literary life that had accumulated by 1926. The essay also reconstructs previously unknown episodes in the history of *Blagonamerenny* and

Versty using letters of Remizov, D.A. Shakhovskoy, L. Shestov, N. Berberova that are being introduced into scholarly discourse.

Keywords: emigration, literary criticism, Eurasianism, journal *Blagonamerenny*, journal *Versty*, A.M. Remizov, literary personality, ideology, literary conservatism.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “Studies on A.M. Remizov’s Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>

References

1. Adamovich, G. *Sobranie sochinenii. Literaturnye besedy* [Collected Works. Literary Conversations], book 2: “Zveno”. 1926–1928, introd., comp., notes by O.A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 596 p. (In Russ.)
2. Berberova, N.N. *Kursiv moi: avtobiografiia* [Italics Are Mine: Autobiography], ed. by L.M. Suris. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2017. 526 p. (In Russ.)
3. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich]. ed. by E. Freiberger Sheikholelami. Ann Arbor, Ardis, 1978. 120 p. (In Russ.)
4. Gracheva, A.M. “Literaturnye mistifikatsii A.M. Remizova 1940-kh godov” [“A.M. Remizov’s Literary Hoaxes of the 1940s”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 191–199. (In Russ.)
5. Zaitsev, B. *Na Afon* [Up the Mount Athos], introd. by A.K. Klement'ev. Moscow, Indrik Publ., 2013. 414 p. (In Russ.)
6. “Iz perepiski V.F. Khodasevicha s Merezhkovskimi” [“From V.F. Khodasevich’s Correspondence with the Merezhkovskys”], introd., publ. and comm. by N.A. Bogomolov. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 90, 2008, pp. 115–147. (In Russ.)
7. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva* [Biography of Youth: Establishing Unity]. Paris, YMCA-PRESS, [1977]. 420 p. (In Russ.)
8. Lavrov A.V. “‘Sirin’ — dnevnikovaia tetrad' A. Remizova” [“‘Sirin’ — A. Remizov’s Diary Notebook”]. *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy* [Alexei Remizov: Studies and materials], ex. ed. A.M. Gracheva and A. d’Amelia. St. Petersburg, Salerno, 2003, pp. 229–232. (In Russ.)
9. “Na vechernei zare: Perepiska A. Remizova s S. Remizovoi-Dovgello” [“At the Evening Dawn: Correspondence Between A. Remizov and S. Remizova-Dovgello”], text prep. and comm. by A. d’Amelia. *Europa Orientalis*, IV, 1985, pp. 149–190. (In Russ.)
10. Obatnina, E.R. “Izbrannnye stranitsy iz al'boma A.M. Remizova ‘Zarubezhnaia tsenzura’: politika i etika” [“Selected Pages from A.M. Remizov’s Album ‘Foreign Censorship’: Politics and Ethics”]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 208–217. (In Russ.)
11. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: ‘La vie’, ili zhizn' ‘chudesnym obrazom’. Parizh, 1924–1925” [“Studies on Alexey Remizov’s Creative Biography: ‘La vie’, or Living ‘Miraculously’. Paris, 1924–1925”]. *Literaturnyi fakt*, no. 4 (14), 2019, pp. 8–44. (In Russ.)
12. “Perepiska L.I. Shestova s A.M. Remizovym” [“Correspondence Between L.I. Shestov and A.M. Remizov”], text prep. and notes by I.F. Danilova and A.A. Danilevsky. *Russkaia literatura*, no. 2, 1994, pp. 136–185. (In Russ.)

13. Poliakov, F. “Aleksi Remizov i Zhitie protopopa Avvakuma: vossozdanie teksta kul'tury v emigratsii” [“Alexei Remizov and ‘The Life of the Archpriest Avvakum’: Reconstruction of the Culture Text in Emigration”]. *Gedächtnis und Phantasma. Festschrift für Renate Lachmann*, S.K. Frank, E. Greber, S. Schahadat, I. Smirnov (Hrsg.). München, 2001, s. 64–71. (In Russ.)

14. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015–. (In Russ.)

15. “...s Vami beda — ne perevesti’: Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)” [“...You Are the Awkward One — Untranslatable’: D.P. Sviatopolk-Mirski’s Letters to A.M. Remizov (1922–1929)”], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora. New Materials], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

16. Sosinskiĭ, V.B. *Rasskazy i publitsistika* [Short Stories and Journalism]. Moscow, Profizdat Publ., 2002. 430 p. (In Russ.)

17. Struve, G.P. *Russkaia literatura v izgnanii* [Russian Literature in Exile], comp. and introd. by K.Iu. Lappo-Danilevsky. Moscow, Paris, Russkii put' Publ., YMCA-Press Publ., 1996. 446 p. (In Russ.)

18. Khodasevich, V.I. *Kamer-fur'erskii zhurnal* [Chamber Fourier Journal], introd., text prep., indexes by O.R. Demidova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2002. 478 p. (In Russ.)

19. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected Works: in 8 vols.], vol. 2: Kritika i publitsistika [Criticism and journalism] (1905–1927), comp., text prep., comm. by J. Malmstad and R. Hughes, introd. by R. Hughes. Moscow, Russkii put' Publ., 2010. 720 p. (In Russ.)

20. Tsvetaeva, M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 6: Pis'ma [Letters], introd. by A. Saakiant, comp., text prep. and comm. by L. Mnukhin. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 800 p. (In Russ.)

21. Shakhovskaia, Z. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia* [In Search of Nabokov. Reflections], introd. by P. Aleshkovsky. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p. (In Russ.)

22. Shveitser, V. *Byt i bytie Mariny Tsvetaevoi* [Life and Being of Marina Tsvetaeva]. Moscow, Interprint Publ., 1992. 538 p. (In Russ.)

23. Shevelenko, I. *Literaturnyi put' Tsvetaevoi: Ideologiia — poetika — identichnost' avtora v kontekste epokhi* [Tsvetaeva’s Literary Path: Ideology — Poetics — Author’s Identity in the Context of the Era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 464 p. (In Russ.)

24. Kliukine, J., Kozovoĭ, V., Mnoukhine, L. “Pis'ma M.I. Tsvetaevoi iz arkhiva P.P. Suvchinskogo” [“M.I. Tsvetaeva’s Letters from the Archive of P.P. Suvchinsky”]. *Revue des études slaves*, t. 64, fasc. 2, 1992, pp. 183–221. (In Russ.)

25. Lampl, H. “Zinaida Hippus and S.P. Remizova-Dovgello”. *Wiener Slavistischer Almanach*, bd. I, 1978, s. 155–194. (In English)

26. Robinson, A. *The Life and Work of Jane Ellen Harrison*. Oxford, 2002. 360 p. (In English)

27. Smith A. “Jane Harrison as an Interpreter of Russian Culture in the 1910s–1920s”. *A people passing rude: British responses to Russian culture*, ed. by A. Cross. Cambridge, 2012, pp. 175–188. (In English)

28. Smith, G.S. “Jane Ellen Harrison: Forty-Seven letters to D.S. Mirsky”. *Oxford Slavonic Papers (New Series)*, vol. 28, 1995, pp. 62–97. (In English)

29. Smith, G.S. *The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931*. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. No. 26). 238 p. (In English)

The article was submitted: 21.01.2020

Approved after reviewing: 19.03.2020

Date of publication: 25.09.2020